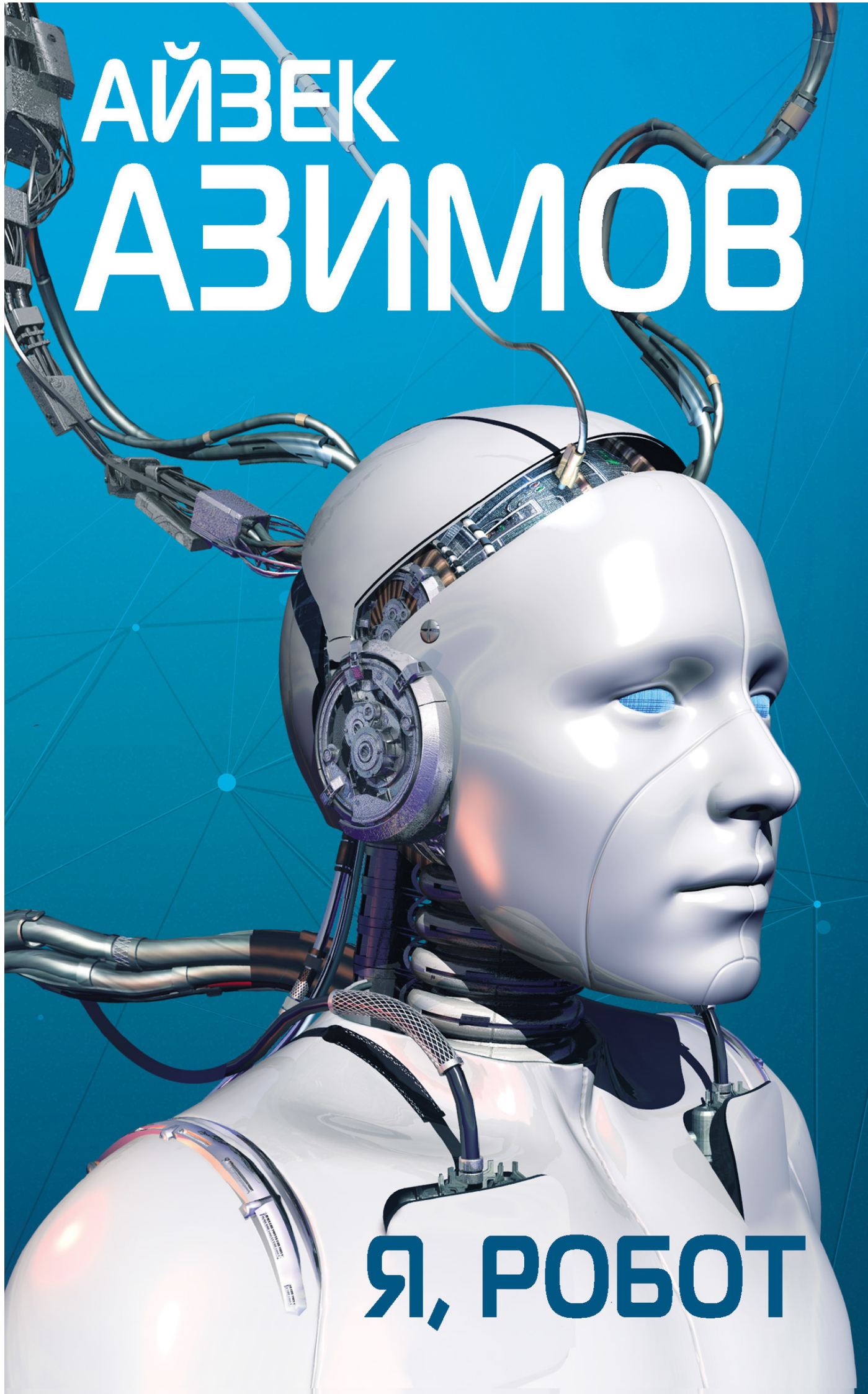

АЙЗЕК АЗИМОВ

Я, РОБОТ

Айзек АЗИМОВ

Я, робот

«ЭКСМО»

1950

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44

АЗИМОВ А.

Я, робот / А. Азимов — «Эксмо», 1950

ISBN 978-5-04-100014-1

Роман в новеллах «Я, робот» относится к одной из самых важных работ в истории фантастики. Сформулированные Азимовым ТРИ ЗАКОНА РОБОТЕХНИКИ легли в основу науки об Искусственном интеллекте. Что случится, если робот начнет задавать вопросы своему создателю? Какие будут последствия программирования чувства юмора? Или возможности лгать? Где мы тогда сможем провести истинную границу между человеком и машиной? В «Я, робот» Азимов устанавливает свои Три Закона, придуманные для защиты людей от их собственных созданий, — и сам же выходит за рамки этих законов. Вместе с гениальным робопсихологом доктором Сьюзен Кэлвин мы увидим, как воплощается мечта об искусственном интеллекте и как меняется наше отношение к роботам.

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-100014-1

© АЗИМОВ А., 1950

© ЭКСМО, 1950

Содержание

Вступление	6
Робби	9
Хоровод	22
Логика	34
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Айзек Азимов

Я, робот

ТРИ ЗАКОНА РОБОТЕХНИКИ

1. Робот не может причинить вред человеку или своим бездействием допустить, чтобы человеку был причинен вред.

2. Робот должен повиноваться всем приказам, которые отдает человек, кроме тех случаев, когда эти приказы противоречат Первому Закону.

3. Робот должен заботиться о своей безопасности в той мере, в какой это не противоречит Первому и Второму Законам.

Руководство по роботехнике, 56-е издание, 2058 г.

Isaac Asimov
I, Robot

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Copyright © 1950, 1977 by the Estate of Isaac Asimov

© А. Иорданский, перевод на русский язык, 2019

© Н. Сосновская, перевод на русский язык, 2019

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2019

Вступление (Перевод А. Иорданского)

Я посмотрел свои заметки, и они мне не понравились. Те три дня, которые я провел на предприятиях фирмы «Ю. С. Роботс», я мог бы с таким же успехом просидеть дома, изучая энциклопедию.

Как мне сказали, Сьюзен Кэлвин родилась в 1982 году. Значит, теперь ей семьдесят пять. Это известно каждому. Фирме «Ю. С. Роботс энд Мекэникел Мен Корпорейшн» тоже семьдесят пять лет. Именно в тот год, когда родилась доктор Кэлвин, Лоуренс Робертсби основал предприятие, которое со временем стало самым необыкновенным промышленным гигантом в истории человечества. Но и это тоже известно каждому.

В двадцать лет Сьюзен Кэлвин присутствовала на том самом занятии семинара по психоматематике, когда доктор Альфред Лэннинг из «Ю. С. Роботс» продемонстрировал первого подвижного робота, обладавшего голосом. Этот большой, неуклюжий, уродливый робот, от которого разлило машинным маслом, был предназначен для использования в проектировавшихся рудниках на Меркурии. Но он умел говорить, и говорить разумно.

На этом семинаре Сьюзен не выступала. Она не приняла участия и в последовавших за ним бурных дискуссиях. Мир не нравился этой малообщительной, бесцветной и неинтересной девушке с каменным выражением и гипертрофированным интеллектом, и она сторонилась людей.

Но, слушая и наблюдая, она уже тогда почувствовала, как в ней холодным пламенем загорается увлечение.

В 2005 году она окончила Колумбийский университет, поступила в аспирантуру по кибернетике.

Изобретенные Робертсоном позитронные мозговые связи превзошли все достигнутое в середине XX века в области вычислительных машин и совершили настоящий переворот. Целые мили реле и фотоэлементов уступили место пористому платино-иридиевому шару размером с человеческий мозг.

Сьюзен научилась рассчитывать необходимые параметры, определять возможные значения переменных позитронного «мозга» и разрабатывать такие схемы, чтобы можно было точно предсказать его реакцию на данные раздражители.

В 2008 году она получила степень доктора и поступила на «Ю. С. Роботс» в качестве ропсихолога, став, таким образом, первым выдающимся специалистом в этой новой области науки. Лоуренс Робертсон тогда все еще был президентом компании, Альфред Лэннинг – научным руководителем.

За пятьдесят лет на глазах Сьюзен Кэлвин прогресс человечества изменил свое русло и рванулся вперед.

Теперь она уходила в отставку – насколько это вообще было для нее возможно. Во всяком случае, она позволила повесить на двери своего старого кабинета табличку с чужим именем.

Вот, собственно, и все, что было у меня записано. Были еще длинные списки ее печатных работ, принадлежащих ей патентов, точная хронология ее продвижения по службе, – короче, я знал до мельчайших деталей всю ее официальную биографию.

Но мне было нужно другое. Серия очерков для «Интерплэнегери Пресс» требовала большего. Гораздо большего.

Я так ей и сказал.

– Доктор Кэлвин, – сказал я, – для публики вы и «Ю. С. Роботс» – одно и то же. Ваша отставка будет концом целой эпохи.

– Вам нужны живые детали?

Она не улыбнулась. По-моему, она вообще никогда не улыбается. Но ее острый взгляд не был сердитым. Я почувствовал, как он пронизал меня до самого затылка, и понял, что она видит меня насквозь. Она всех видела насквозь. Тем не менее я сказал:

– Совершенно верно.

– Живые детали о роботах? Получается противоречие.

– Нет, доктор. О вас.

– Ну, меня тоже называют роботом. Вам, наверное, уже сказали, что во мне нет ничего человеческого.

Мне это действительно говорили, но я решил промолчать.

Она встала со стула. Она была небольшого роста и выглядела хрупкой.

Вместе с ней я подошел к окну.

Конторы и цеха «Ю. С. Роботс» были похожи на целый маленький, правильно распланированный городок. Он раскинулся перед нами, плоский, как аэрофотография.

– Когда я начала здесь работать, – сказала она, – у меня была маленькая комнатка в здании, которое стояло где-то вон там, где сейчас котельная. Это здание снесли, когда вас не было на свете. В комнате сидели еще три человека. На мою долю приходилось полстола. Все наши роботы производились в одном корпусе. Три штуки в неделю. А посмотрите сейчас!

– Пятьдесят лет – долгий срок. – Я не придумал ничего лучше этой избитой фразы.

– Ничуть, если это ваше прошлое, – возразила она. – Я думаю, как это они так быстро пролетели.

Она снова села за стол. Хотя выражение ее лица не изменилось, но ей, по-моему, стало грустно.

– Сколько вам лет? – поинтересовалась она.

– Тридцать два, – ответил я.

– Тогда вы не помните, каким был мир без роботов. Было время, когда перед лицом Вселенной человек был одинок и не имел друзей. Теперь у него есть помощники, существа более сильные, более надежные, более эффективные, чем он, и абсолютно ему преданные. Человечество больше не одиноко. Вам это не приходило в голову?

– Боюсь, что нет. Можно будет процитировать ваши слова?

– Можно. Для вас робот – это робот. Механизмы и металл, электричество и позитроны. Разум, воплощенный в железе! Создаваемый человеком, а если нужно, и уничтожаемый человеком. Но вы не работали с ними и вы их не знаете. Они чище и лучше нас.

Я попробовал осторожно подзадорить ее.

– Мы были бы рады услышать кое-что из того, что вы знаете о роботах, что вы о них думаете. «Интерплэнетери Пресс» обслуживает всю Солнечную систему. Миллиарды потенциальных слушателей, доктор Кэлвин! Они должны услышать ваш рассказ.

Но подзадоривать ее не приходилось. Не слушая меня, она продолжала:

– Все это можно было предвидеть с самого начала. Тогда мы продавали роботов для использования на Земле – это было еще даже до меня. Конечно, роботы тогда еще не умели говорить. Потом они стали больше похожи на человека и начались протесты. Профсоюзы не хотели, чтобы роботы конкурировали с человеком; религиозные организации возражали из-за своих предрассудков. Все это было смешно и вовсе бесполезно. Но это было.

Я записывал все подряд на свой карманный магнитофон, стараясь незаметно шевелить пальцами. Если немного попрактиковаться, то можно управлять магнитофоном, не вынимая его из кармана.

– Возьмите историю с Робби. Я не знала его. Он был пущен на слом как безнадежно устаревший за год до того, как я поступила на работу. Но я видела девочку в музее.

Она умолкла. Ее глаза затуманились. Я тоже молчал, не мешая ей углубиться в прошлое. Это прошлое было таким далеким!

– Я услышала эту историю позже. И когда нас называли создателями демонов и святотатцами, я всегда вспоминала о нем. Робби был немой робот. Его выпустили в 1996 году, еще до того, как роботы стали крайне специализированными, и он был продан для работы в качестве няньки.

– Кого?

– Няньки...

Робби (Перевод А. Иорданского)

– Девяносто восемь... девяносто девять... сто!

Глория отвела пухлую ручку, которой закрывала глаза, и несколько секунд стояла, сморщив нос и моргая от солнечного света. Пытаясь смотреть сразу во все стороны, она осторожно отошла на несколько шагов от дерева.

Вытянув шею, она вглядывалась в густые кусты справа от себя, потом отошла от дерева еще на несколько шагов, стараясь заглянуть в самую глубину зарослей.

Глубокую тишину нарушало только непрерывное жужжание насекомых и время от времени чириканье какой-то неутомимой пичуги, не боявшейся полуденной жары.

Глория надулась:

– Ну конечно, он спрятался в доме, а я ему миллион раз говорила, что это нечестно.

Плотно сжав губки и сердито нахмурившись, она решительно зашагала к двухэтажному дому по ту сторону аллеи.

Когда Глория услышала сзади шорох, за которым последовал размеренный топот металлических ног, было уже поздно. Обернувшись, она увидела, что Робби покинул свое убежище и полным ходом несется к дереву.

Глория в отчаянии закричала:

– Постой, Робби! Это нечестно! Ты обещал не бежать, пока я тебя не найду!

Ее ножкам, конечно, не сравниться было с гигантскими конечностями Робби. Но в трех метрах от дерева тот вдруг резко сбавил скорость. Сделав последнее отчаянное усилие, запыхавшаяся Глория пронеслась мимо него и первая дотронулась до заветного ствола.

Она радостно повернулась к верному Робби и, платя черной неблагодарностью за принесенную жертву, принялась жестоко насмеяться над его неумением бегать.

– Робби не может бегать! – кричала она во всю силу своего восьмилетнего голоса. – Я всегда его обгоню! Я всегда его обгоню!

Она с упоением распевала эти слова.

Робби, конечно, не отвечал. Вместо этого он сделал вид, будто убегает, и Глория кинулась вслед за ним. Пятясь, он ловко увертывался от девочки, так что она, бросаясь в разные стороны, тщетно размахивала руками и, задыхаясь от хохота, кричала:

– Робби! Стой!

Тогда он неожиданно повернулся, поймал ее, поднял в воздух и завертел вокруг себя. Ей показалось, что весь мир на мгновение провалился вниз, в голубую пустоту, к которой тянулись зеленые верхушки деревьев. Потом Глория снова оказалась на траве. Она прижалась к ноге Робби, крепко держась за твердый металлический палец.

Через некоторое время Глория отдышалась. Она сделала напрасную попытку поправить растрепавшиеся волосы, бессознательно подражая движениям матери, и изогнулась, чтобы посмотреть, не порвалось ли сзади ее платье. Потом хлопнула ладошкой Робби по туловищу.

– Нехороший! Я тебя нашлепаю!

Робби съезжился, закрыв лицо руками, так что ей пришлось добавить:

– Ну, не бойся, Робби, не нашлепаю. А теперь моя очередь прятаться, потому что у тебя ноги длиннее и ты обещал не бежать, пока я тебя не найду.

Робби кивнул головой – небольшим параллелепипедом с закругленными углами. Голова была укреплена на туловище – подобной же формы, но гораздо больших размеров – с помощью короткого гибкого сочленения. Робби послушно повернулся к дереву. На его горящие

глаза опустилась тонкая металлическая пластинка, и изнутри туловища раздалось ровное гулкое тиканье.

– Смотри не подглядывай и не пропускай счета! – предупредила Глория и бросилась прятаться.

Секунды отсчитывались с абсолютной точностью. На сотом ударе веки Робби поднялись, и вновь вспыхнувшие красным светом глаза оглядели поляну. На мгновение они остановились на кусочке яркого ситца, торчавшем из-за камня. Робби подошел поближе и убедился, что за камнем действительно притаилась Глория. Тогда он стал медленно приближаться к ее убежищу, все время оставаясь между Глорией и деревом. Наконец, когда Глория была совсем на виду и не могла даже притворяться, что ее не видно, Робби протянул к ней руку, а другой со звоном ударил себя по ноге. Глория, надувшись, вышла.

– Ты подглядывал! – воскликнула она, явно согрешив против истины. – И потом, мне надоело играть в прятки. Я хочу кататься.

Но Робби был оскорблен незаслуженным обвинением. Он осторожно сел на землю и покачал тяжелой головой. Глория немедленно изменила тон и перешла к нежным уговорам:

– Ну, Робби! Я просто так сказала, что ты подглядывал! Ну, покатай меня!

Но Робби не так просто было уговорить. Он упрямо уставился в небо и покачал головой еще более выразительно.

– Ну пожалуйста, Робби, пожалуйста, покатай меня!

Она крепко обняла его за шею розовыми ручками. Потом ее настроение внезапно переменялось, и она отошла в сторону.

– А то я заплачу!

Ее лицо заранее устрашающе перекопилось.

Но жестокосердый Робби не обратил никакого внимания на эту ужасную угрозу. Он в третий раз покачал головой. Глория решила, что пора пустить в дело главный козырь.

– Если ты меня не покатаешь, – воскликнула она, – я больше не буду рассказывать тебе сказок, вот и все. Никогда!

Этот ультиматум заставил Робби сдаться немедленно и безоговорочно. Он закивал головой так энергично, что его металлическая шея загудела. Потом он осторожно посадил девочку на свои широкие плоские плечи.

Слезы, которыми грозила Глория, немедленно испарились, и она даже вскрикнула от восторга. Металлическая кожа Робби, в которой нагревательные элементы поддерживали постоянную температуру 21 градус, была приятной на ощупь, а барабания пятками по его груди, можно было извлечь восхитительно громкие звуки.

– Ты самолет, Робби. Ты большой серебряный самолет, Робби. Только вытяни руки, раз уж ты самолет.

Логика была безупречной. Руки Робби стали крыльями, а сам он – серебряным самолетом. Глория резко повернула его голову и наклонилась вправо. Он сделал крутой вираж. Глория уже снабдила самолет мотором: «Б-р-р-р-р», а потом и пушками: «Бум! Бум! Бум!» За ними гнались пираты, и орудия косили их, как траву.

– Еще один готов... Еще двое!.. – кричала она.

Потом Глория сурово скомандовала:

– Торопись, ребята! Снаряды кончаются!

Она неустрашимо целилась через плечо. И Робби превратился в тупоносый космический корабль, с предельным ускорением прорезающий пустоту.

Он несся через лужайку к зарослям высокой травы на другой стороне. Там он остановился так внезапно, что раскрасневшаяся наездница вскрикнула, и сбросил ее на мягкий травяной ковер.

Глория, задыхаясь, восторженно шептала:

– Ой, как здорово!

Робби дал ей отдышаться и осторожно потянул за растрепавшуюся прядь волос.

– Ты чего-то хочешь? – спросила Глория, широко раскрыв глаза в притворном недоумении.

Ее безыскусная хитрость ничуть не обманула огромную «няньку». Робби снова потянул за ту же прядь, чуть посильнее.

– А, знаю. Ты хочешь сказку!

Робби быстро закивал.

– Какую?

Робби описал пальцем в воздухе полукруг.

Девочка запротестовала:

– Опять? Я же тебе про Золушку миллион раз рассказывала. Как она тебе не надоела? Это сказка для маленьких!

Железный палец снова описал полукруг.

– Ну, так и быть.

Глория уселась поудобнее, припомнила про себя все подробности сказки (вместе с прибавлениями собственного сочинения) и начала:

– Ты готов? Так вот, давным-давно жила красивая девочка, которую звали Элла. У нее была ужасно жестокая мачеха и две очень некрасивые и очень жестокие сестры...

Глория дошла до самого интересного места: уже било полночь, и все снова превращалось в кучу мусора. Робби слушал напряженно, с горящими глазами, но тут их прервали.

– Глория!

Это был раздраженный голос женщины, которая звала не в первый раз и у которой терпение, судя по интонации, начало сменяться тревогой.

– Мама зовет, – сказала Глория не очень радостно. – Лучше отнеси меня домой, Робби.

Робби с готовностью повиновался. Что-то подсказывало ему, что миссис Вестон лучше подчиняться без малейшего промедления. Отец Глории редко бывал дома днем, если не считать воскресений (а это было как раз воскресенье), но когда он появлялся, то проявлял добродушие и понимание. А вот мать Глории была для Робби источником постоянного беспокойства, и он всегда испытывал смутное побуждение скрыться от нее куда-нибудь подальше.

Миссис Вестон увидела их, как только они поднялись из травы, и вернулась в дом, чтобы встретить их там.

– Я кричала до хрипоты, Глория, – строго сказала она. – Где ты была?

– Я была с Робби, – дрожащим голосом ответила Глория. – Я рассказывала ему про Золушку и забыла про обед.

– Жаль, что Робби тоже забыл про обед. – И, словно вспомнив о присутствии робота, она обернулась к нему: – Можешь идти, Робби. Ты ей сейчас не нужен. И не приходи, пока не позову, – резко прибавила она.

Робби повернулся к двери, но заколебался, услышав, что Глория встала на его защиту:

– погоди, мама, нужно, чтобы он остался! Я еще не кончила про Золушку. Я ему обещала рассказать про Золушку и не успела.

– Глория!

– Честное-пречестное слово, мама, он будет сидеть тихо-тихо, так, что его и слышно не будет. Он может сидеть на стуле в уголке и молчать... то есть ничего не делать. Правда, Робби?

В ответ Робби закивал своей массивной головой.

– Глория, если ты сейчас же не прекратишь, ты не увидишь Робби целую неделю!

Девочка понурилась.

– Ну хорошо. Но ведь «Золушка» – его любимая сказка, а я не успела рассказать. Он так ее любит...

Опечаленный робот вышел, а Глория проглотила слезы.

Джордж Вестон чувствовал себя прекрасно. У него было такое обыкновение – по воскресеньям после обеда чувствовать себя прекрасно. Вкусная, обильная домашняя еда, удобный мягкий старый диван, на котором так приятно развалиться, свежий номер «Таймс», тапочки на ногах и пижама вместо крахмальной рубашки – ну как тут не почувствовать себя прекрасно!

Поэтому он ощутил недовольство, когда вошла его жена. После десяти лет совместной жизни он еще имел глупость ее любить и, конечно же, всегда был ей рад, но послеобеденный воскресный отдых был для него священным, и его представление о подлинном комфорте требовало двух-трех часов полного одиночества. Он поспешно уткнулся в последние сообщения об экспедиции Лефевра – Йошиды на Марс (на этот раз они стартовали с лунной станции и вполне могли долететь) и сделал вид, будто ее не заметил.

Миссис Вестон терпеливо подождала немного, потом – нетерпеливо – еще немного и наконец не выдержала:

– Джордж!

– Угу...

– Джордж, послушай! Может быть, ты отложишь газету и поглядишь на меня?

Газета, шелестя, упала на пол, и Вестон обратил к жене страдальческое лицо:

– В чем дело, дорогая?

– Ты знаешь, Джордж. Дело в Глории и в этой ужасной машине...

– Какой ужасной машине?

– Пожалуйста, не притворяйся, будто ты не понимаешь, о чем я говорю! Я об этом роботе, которого Глория зовет Робби. Он не оставляет ее ни на минуту.

– Ну а почему он должен ее оставлять? Он для этого и существует. И в любом случае он вовсе не ужасная машина, а самый лучший робот, какой только можно было достать за деньги. А я чертовски хорошо помню, что он обошелся мне в полугодовой заработок. И он стоит этого – он куда умнее половины моих служащих.

Вестон потянулся за газетой, но жена оказалась проворнее и выхватила ее.

– Выслушай меня, Джордж! Я не хочу доверять своего ребенка машине, и мне все равно, умная эта машина или нет. У нее нет души, и никто не знает, что у нее на уме. Нельзя, чтобы за детьми смотрели всякие металлические штуки!

Вестон нахмурился.

– Что с тобой? Он с Глорией уже два года, а до сих пор я что-то не видел, чтобы ты беспокоилась.

– Сначала все было по-другому. Как-никак новинка, и у меня стало меньше забот, и потом, это было так модно... А сейчас я не знаю. Все соседи...

– Ну при чем тут соседи? Послушай! Робот куда надежнее любой няньки. Ведь Робби создан с единственной целью – ухаживать за маленьким ребенком. Все его мышление рассчитано специально на это. Он просто не может не быть верным, любящим, добрым. Он просто устроен так. Не о каждом человеке это скажешь.

– А вдруг что-нибудь испортится? Какой-нибудь там... – Миссис Вестон запнулась: она имела довольно смутное представление о внутренностях роботов. – Ну, какая-нибудь мелочь сломается, и эта ужасная машина начнет буйствовать, и тогда...

У нее не хватило сил закончить вполне очевидную мысль.

– Чепуха, – возразил Вестон, невольно вздрогнув. – Это просто смешно. Когда мы покупали Робби, мы долго говорили о Первом Законе Роботехники. Ты же знаешь, что робот не способен причинить вред человеку. При малейшем намеке на возможность нарушения Пер-

вого Закона робот сразу будет парализован. Иначе и быть не может, тут математический расчет. И потом, у нас дважды в год бывает механик из «Ю. С. Роботс» – он же проверяет весь механизм. С Робби ничего не может случиться. Скорее уж сойдем с ума мы с тобой. Да и как ты собираешься отнять его у Глории?

Он снова потянулся за газетой, но напрасно: жена сердито швырнула ее через раскрытую дверь в соседнюю комнату.

– В этом-то все и дело, Джордж! Она не хочет больше ни с кем играть! Кругом десятки мальчиков и девочек, с которыми ей следовало бы дружить, но она не хочет. Она и не подойдет к ним, если ее не заставить. Нельзя девочку так воспитывать. Ты ведь хочешь, чтобы она выросла нормальной? Ты хочешь, чтобы она смогла занять свое место в обществе?

– Грейс, ты воюешь с призраками. Представь себе, что Робби – это собака. Сотни детей с большим удовольствием проводят время с собакой, чем с собственными родителями.

– Собака – совсем другое дело. Джордж, мы должны избавиться от этой ужасной машины. Ты можешь вернуть ее компании. Я уже узнавала, это можно.

– Узнавала? Вот что, Грейс! Не надо ничего решать сгоряча. Оставим робота, пока Глория не подрастет. И больше я не желаю об этом слышать.

Он в раздражении вскочил и вышел из комнаты.

Два дня спустя миссис Вестон встретила мужа в дверях.

– Джордж, ты должен выслушать меня. В поселке недовольны.

– Чем? – спросил Вестон. Он скрылся в ванной, и оттуда послышался плеск, который мог заглушить любой ответ.

Миссис Вестон выждала, пока шум не прекратился, и сказала:

– Недовольны Робби.

Вестон вышел, держа в руках полотенце. Его покрасневшее лицо было сердито.

– О чем ты говоришь?

– Это началось уже давно. Я старалась не замечать, но больше не хочу. Почти все соседи считают, что Робби опасен. По вечерам детей даже близко не пускают к нашему дому.

– Но мы же доверяем ему своего ребенка!

– В таких делах люди не рассуждают.

– Ну и черт с ними!

– Нет, так нельзя. Мне приходится встречаться с ними каждый день в магазинах. А в городе теперь с роботами еще строже. В Нью-Йорке только что приняли постановление, которое запрещает роботам появляться на улицах от захода до восхода солнца.

– Да, но никто не может запретить нам держать робота дома. Грейс, ты, я вижу, решила снова добиться своего. Но это бесполезно. Ответ все тот же – нет! Робби останется у нас.

Но он любил жену, и, что гораздо хуже, она это знала. В конце концов, Джордж Вестон был всего-навсего мужчиной. А его жена пустила в ход все до единой уловки, которых с полным основанием научился опасаться, хотя и тщетно, менее хитрый и более щепетильный пол.

На протяжении следующей недели Вестон десять раз восклицал: «Робби останется – и конец!», но с каждым разом его голос становился все менее уверенным и в нем слышался все более внятный стон отчаяния.

Наконец наступил день, когда Вестон, с виноватым видом подойдя к дочери, предложил пойти в поселок и посмотреть самый последний визивокс.

Глория радостно всплеснула руками:

– А Робби можно с нами?

– Нет, детка, – ответил он, чувствуя отвращение к звуку собственного голоса. – Роботов на визивокс не пускают. Но ты ему все расскажешь, когда придешь домой.

Пробормотав последние слова, он отвернулся.

Глория вернулась домой, восхищенная до глубины души: визивокс действительно был прекрасный.

Она еле дождалась, пока отец поставит реактивный автомобиль в подземный гараж.

– А теперь, пап, я все расскажу Робби. Ему бы это так понравилось! Особенно когда Фрэнсис Фрэн так тихонько-тихонько пятился назад – и прямо в руки человека-леопарда! И ему пришлось бежать! – Она снова засмеялась. – Пап, а на Луне вправду водятся люди-леопарды?

– Скорее всего, нет, – рассеянно ответил Вестон. – Это просто смешные выдумки.

Он уже не мог дольше возиться с автомобилем. Нужно было посмотреть правде в глаза.

Глория побежала через лужайку.

– Робби! Робби!

Она внезапно остановилась, увидев красивого щенка колли. Щенок, виляя хвостом, глядел на нее с крыльца серьезными карими глазами.

– Ой, какой чудесный песик! – Глория поднялась по ступенькам, осторожно подошла к щенку и погладила его. – Это мне, папа?

На крыльцо вышла миссис Вестон.

– Да, Глория. Посмотри, какой он хороший, какой пушистый. Он очень добрый. И любит маленьких девочек.

– А он будет со мной играть?

– Конечно. Он может делать всякие штуки. Хочешь посмотреть?

– Хочу. И я хочу, чтобы Робби тоже посмотрел! Робби! – Она растерянно замолчала. – Наверное, сидит в комнате и дуется на меня, почему я его не взяла с собой на визивокс. Папа, ты ему объяснишь все как было? Мне он может не поверить, но уж если ты ему скажешь, он будет знать, что так оно и есть.

Губы Вестона сжались. Он посмотрел на жену, но она отвела глаза. Глория повернулась на одной ноге и побежала по ступенькам, крича:

– Робби! Иди посмотри, что мне подарили папа с мамой! Мне подарили песика!

Через минуту девочка вернулась и испуганно сказала:

– Мама, Робби там нет. Где он?

Ответом ей было молчание. Джордж Вестон кашлянул и внезапно проявил большой интерес к плывущим в небе облакам. Глория повторила дрожащим голосом, в котором слышались слезы:

– Где Робби, мама?

Миссис Вестон нежно привлекла к себе дочь.

– Не расстраивайся, Глория. По-моему, Робби ушел.

– Ушел? Куда? Куда он ушел, мама?

– Никто не знает, девочка. Просто ушел. Мы его искали, искали, искали, но не могли найти.

– Значит, он больше не вернется? – Глаза у Глории стали круглыми от ужаса.

– Может быть, мы его скоро найдем. Мы будем искать. А пока играй с новой собачкой.

Посмотри! Ее зовут Молния, и она умеет...

Но глаза Глории были полны слез.

– Мне не нужна эта противная собака – мне нужен Робби! Найдите Робби!..

Ее чувства не находили выхода в словах, и она разразилась отчаянным плачем. Миссис Вестон беспомощно взглянула на мужа, но он только мрачно переступил с ноги на ногу, не сводя пристального взгляда с неба. Тогда она сама принялась утешать дочь.

– Ну, не надо плакать, Глория! Робби – всего-навсего машина, старая скверная машина. Он не живой.

– Ничего он никакая не машина! – яростно крикнула Глория, забыв все правила грамматики. – Он такой же человек, как мы с вами, и он мой друг. Я хочу, чтобы он вернулся! Мама, я хочу, чтобы он вернулся!

Мать вздохнула, признавая свое бессилие, и оставила Глорию горевать в одиночестве.

– Пусть выплачется, – сказала она мужу. – Детское горе коротко. Через несколько дней она забудет про этого ужасного робота.

Но время показало, что это заявление миссис Вестон было чересчур оптимистично. Правда, плакать Глория перестала, но она перестала и улыбаться. С каждым днем она становилась все более молчаливой и мрачной. Постепенно ее несчастный вид сломил миссис Вестон. Не сдавалась она только потому, что не могла признать перед мужем свое поражение.

Как-то вечером она в ярости влетела в гостиную и уселась, скрестив руки на груди. Ее муж взглянул на нее поверх газеты.

– Что еще случилось, Грейс?

– Мне пришлось отдать собаку. Глория сказала, что терпеть ее не может. Я сойду с ума. Вестон опустил газету, и в его глазах вспыхнул огонек надежды.

– А если... А если нам снова взять Робби? Знаешь, это можно. Я свяжусь...

– Нет, – резко перебила она. – Я и слышать об этом не хочу. Мы так легко не сдадимся. Я не дам роботу воспитывать свою дочь, даже если понадобятся годы, чтобы отучить ее от Робби.

Вестон разочарованно поднял газету.

– Еще год – и я поседею раньше времени.

– Не много же от тебя помощи, Джордж, – холодно сказала она. – Глории нужно переменить обстановку. Конечно, здесь она не может забыть Робби. Здесь ей каждое дерево, каждый камень о нем напоминают. Вообще мы в самом глупейшем положении! Только подумай – ребенок чахнет из-за разлуки с роботом!

– Ну и что ты предлагаешь? Как ты думаешь переменить обстановку?

– Мы возьмем Глорию в Нью-Йорк.

– В город! В августе! Послушай, ты же знаешь, что такое Нью-Йорк в августе! Там невозможно жить!

– Но там живут миллионы людей.

– Только потому, что им некуда уехать. Иначе они бы не остались.

– Так вот, теперь и нам придется там пожить. Мы переезжаем немедленно, как только соберем вещи. В городе у Глории будет достаточно развлечений и достаточно друзей. Это встряхнет ее и заставит забыть о роботе.

– О господи! – простонал супруг. – Эти раскаленные улицы!..

– Мы должны это сделать, – непреклонно ответила жена. – Глория похудела за месяц на пять фунтов. Здоровье моей девочки для меня важнее твоих удобств.

– Жаль, что ты не подумала о здоровье своей девочки, прежде чем лишить ее любимого робота, – пробормотал он про себя.

Едва Глория узнала о предстоящем переезде, у нее немедленно появились признаки улучшения. Она говорила об этом событии мало, но каждый раз с восторженным ожиданием. Она снова начала улыбаться, и к ней вернулся почти прежний аппетит.

Миссис Вестон была вне себя от радости. Она не упускала ни одной возможности торжествовать победу над своим все еще скептически настроенным супругом.

– Видишь, Джордж, она помогает укладываться, как ангелочек, и щебечет, будто у нее не осталось никаких забот. Я же говорила – нужно заинтересовать ее чем-то другим.

– Гм, – произнес он с сомнением. – Надеюсь.

Сборы закончились быстро. Городская квартира была готова к их приезду, дом оставили на попечение двух соседей. Когда наконец наступил день переезда, Глория выглядела совсем как прежде и ни разу даже не упомянула о Робби. Все в прекрасном настроении уселись в воздушное такси, которое доставило их в аэропорт. Вестон предпочел бы лететь на собственном вертолете, но он был двухместный и без багажного отделения. Они сели в самолет.

– Иди сюда, Глория, – позвала миссис Вестон. – Я заняла место у окна, чтобы тебе все было видно.

Глория радостно уселась к окну, прилипла к толстому стеклу носом, расплющив его в белый кружок, и смотрела как зачарованная. Взревели моторы. Глория была еще слишком мала, чтобы испугаться, когда земля провалилась далеко вниз, как будто сквозь люк, а она сама стала вдвое тяжелее. Но она была уже достаточно большой, чтобы все это вызвало у нее всепоглощающий интерес. Лишь когда земля стала похожа на маленькое лоскутное одеяло, она оторвалась от окна и повернулась к матери.

– Мама, мы скоро будем в городе? – спросила она, растирая замерзший нос и с любопытством следя за тем, как пятнышко пара, оставшееся на стекле от ее дыхания, медленно уменьшалось и понемногу совсем исчезло.

– Через полчаса, дорогая, – ответила мать и спросила с оттенком тревоги в голосе: – Ты рада, что мы едем? Тебе очень понравится в городе – огромные дома, и люди, и всякие вещи... Мы будем каждый день ходить на визитокс, и в цирк, и на пляж...

– Да, мама, – откликнулась Глория без особого интереса.

В этот момент самолет пролетал над облаком, и Глория была поглощена картиной простирившихся внизу клубов застывшего пара. Потом небо вокруг снова стало безоблачным, и она с таинственным видом повернулась к матери, как будто открыла какой-то секрет:

– А я знаю, зачем мы едем в город!

– Да? – Миссис Вестон была озадачена. – Зачем же?

– Вы мне не говорили, потому что хотели, чтобы это был сюрприз, а я все равно знаю. – Она умолкла, восхищенная собственной проницательностью, а потом весело рассмеялась. – Мы едем в Нью-Йорк, чтобы найти Робби, правда? С сыщиками!

В этот момент Джордж Вестон как раз отхлебнул глоток воды. Результат был катастрофическим. Послышалось придушенное восклицание, фонтаном полетели брызги и раздался судорожный кашель. Когда все кончилось, Джордж Вестон, покрасневший и мокрый, остался в крайнем раздражении.

Миссис Вестон сохранила самообладание, но когда Глория повторила свой вопрос уже более тревожным голосом, и ее нервы не выдержали.

– Там видно будет, – ответила она резко. – Неужели ты не можешь посидеть спокойно и немного помолчать?

Нью-Йорк всегда был Меккой для туристов и всех, кто искал развлечений, а в 1998 году он еще больше, чем когда бы то ни было, оправдывал свою репутацию. Родители Глории знали это и использовали, как только могли.

Выполняя требование жены, Джордж Вестон оставил дела на целый месяц, чтобы провести это время, как он выражался, «развлекая Глорию до последней возможности». Как и все, за что брался Вестон, это было проделано деловито и с максимальным эффектом. Месяц еще не прошел, как было испытано решительно все.

Глория побывала на крыше Рузвельт-Билдинг и с высоты в полмили с трепетом смотрела на зубчатую панораму крыш, уходивших вдаль, до самых лугов Лонг-Айленда и равнин Нью-Джерси. Они посещали зоопарки, где Глория, замирая от страха и блаженства, разглядывала «настоящего живого льва» (она была немного разочарована, увидев, что его кормят сырыми бифштексами, а не людьми, как она ожидала) и настоятельно требовала, чтобы ей показали настоящего кита.

К их услугам были все приманки музеев, парков, пляжей и аквариумов.

Глория плывала вверх по Гудзону на пароходе, построенном в стиле веселых 20-х годов. Она летала на экскурсию в стратосферу, где небо становилось темно-фиолетовым и на нем загорались звезды, а туманная земля далеко внизу казалась огромной вогнутой чашей. Она погружалась на подводной лодке со стеклянными стенами в глубины пролива Лонг-Айленд, в зеленый, зыбкий мир, где причудливые морские существа разглядывали ее сквозь стекло и неожиданно, вильнув хвостом, уплывали. Еще одна сказочная страна, пусть более прозаическая, открывалась перед ней в магазинах, куда ее водила миссис Вестон.

В общем, когда месяц прошел, Вестоны были убеждены, что они сделали все возможное, чтобы заставить Глорию раз и навсегда забыть о покинувшем ее Робби. Но они не были уверены, что это удалось.

Где бы Глория ни бывала, она проявляла самый живой интерес ко всем роботам, случавшимся поблизости. Каким бы захватывающим ни было зрелище, которое перед ней развертывалось, каким бы оно ни было новым и невиданным, она немедленно забывала о нем, как только замечала хоть уголком глаза какой-нибудь движущийся металлический механизм. Поэтому, гуляя с Глорией, миссис Вестон старательно обходила стороной всех роботов.

Развязка наступила в Музее науки и промышленности. Там была устроена специальная выставка для детей, где демонстрировались всевозможные достижения и чудеса науки, приспособленные к детскому разумению. Конечно, эту выставку Вестоны включили в свою обязательную программу.

И в тот момент, когда Вестоны стояли, полностью поглощенные созерцанием мощного электромагнита, миссис Вестон внезапно обнаружила, что Глории с ними нет. Первый приступ паники сменился спокойной решимостью, и с помощью трех сотрудников музея Вестоны приступили к тщательным поискам.

Между тем Глория вовсе не думала бесцельно бродить по музею. Для своего возраста она обладала на редкость решительным и целеустремленным характером и в этом определенно пошла в мать. Она заметила на третьем этаже огромный указатель: «К ГОВОРЯЩЕМУ РОБОТУ». Прочитав его и заметив, что родители не проявляют желания идти в ту сторону, она не стала долго раздумывать, а выждала подходящий момент, когда родители отвлеклись, тихонько отошла и направилась туда, куда звала надпись.

Говорящий Робот представлял собой нечто необыкновенное. Это было совершенно непрактичное устройство, имевшее чисто рекламную ценность. Каждый час к нему пускали группу посетителей в сопровождении экскурсовода. Дежурному инженеру осторожным шепотом задавали вопросы. Те, которые инженер считал подходящими для робота, он сообщал ему.

Все это было достаточно скучно. Конечно, хорошо знать, что 14 в квадрате равно 196 , что температура в данный момент плюс $22,2$ по Цельсию, а давление воздуха – $762,508$ мм ртутного столба и что атомный вес натрия 23 . Но для этого не нужен робот. Особенно такая громоздкая, неподъемная махина из проводов и катушек, занимавшая более двадцати пяти квадратных метров.

Редко кто возвращался к роботу во второй раз. И когда в зал вошла Глория, лишь одна девушка лет пятнадцати тихо сидела на скамейке, ожидая третьего сеанса.

Глория даже не взглянула на нее. В этот момент люди ее не интересовали. Все ее внимание было приковано к огромному механизму на колесах. На какое-то мгновение она заколебалась: Говорящий Робот не был похож на тех, которых она видела до сих пор. Глория нерешительно спросила тоненьким голосом:

– Мистер Робот, простите, пожалуйста, это вы – Говорящий Робот?

Ей почему-то казалось, что с роботом, который говорит по-настоящему, нужно вести себя как можно вежливее.

(На худом, некрасивом лице сидевшей в комнате девушки отразилось напряженное размышление. Она вытащила маленький блокнот и начала что-то быстро писать неразборчивым почерком.)

Послышалось тихое жужжание хорошо смазанных шестерен, и механический голос без всякой интонации прогремел:

– Я... робот... который... говорит.

Глория разочарованно смотрела на робота. Действительно, он говорил, но звуки исходили откуда-то изнутри механизма. У робота не было лица, к которому можно было бы обратиться.

Она сказала:

– Не можете ли вы мне помочь, мистер Робот?

Говорящий Робот был создан для того, чтобы отвечать на вопросы. До сих пор ему задавали только такие вопросы, на которые он мог ответить. Поэтому он был вполне уверен в своих возможностях.

– Я... могу... помочь... вам.

– Большое спасибо, мистер Робот. Вы не видели Робби?

– Кто... это... Робби?

– Это робот, мистер Робот. – Она приподнялась на цыпочки. – Он примерно вот такого роста, мистер Робот, немножечко выше, и он очень хороший. Знаете, у него есть голова. У вас нет, мистер Робот, а у него есть.

Говорящий Робот не мог за ней поспеть.

– Робот?

– Да, мистер Робот. Как вы, мистер Робот, только он, конечно, не умеет говорить, и он очень похож на настоящего человека.

– Робот... как... я?

– Да, мистер Робот.

В ответ Говорящий Робот только испустил невразумительное шипение, которое время от времени прерывалось какими-то бессмысленными звуками. От него потребовалось смелое обобщение – подумать о себе не как об индивидуальном объекте, а как о части более общей группы, и это оказалось ему не под силу. Верный своему назначению, он все-таки попытался охватить это понятие, в результате чего полдюжины катушек перегорело. Зажужжали аварийные сигналы.

(В этот момент девушка, сидевшая на скамейке, встала и вышла. У нее накопилось уже достаточно материала для доклада «Роботы с практической точки зрения». Это было первое из многих исследований Сьюзен Кэлвин на данную тему.)

Глория, подавляя нетерпение, ждала ответа. Вдруг она услышала позади себя крик: «Вот она!» – и узнала голос матери.

– Что ты здесь делаешь, противная девчонка?! – кричала миссис Вестон, у которой тревога тут же перешла в гнев. – Ты знаешь, что папа и мама перепугались чуть не до смерти? Зачем ты убежала?

В зал опростетью вбежал дежурный инженер. Схватившись за голову, он потребовал, чтобы ему сообщили, кто из собравшейся толпы испортил машину.

– Вы что, читать не умеете? – кричал он. – Здесь запрещено находиться без экскурсовода!

Глория повысила голос, чтобы ее услышали:

– Я только хотела посмотреть на Говорящего Робота, мама. Я думала, вдруг он знает, где Робби, – ведь они оба роботы.

Снова вспомнив о Робби, она залилась горькими слезами.

– Я должна найти Робби! Мама, мне нужен Робби!

Миссис Вестон, подавив невольное рыдание, сказала:

– О господи! Идем, Джордж! Я больше не могу!

Вечером Джордж Вестон на несколько часов исчез. На следующее утро он подошел к жене с подозрительно самодовольным видом.

– У меня есть одна мысль, Грейс.

– Какая? – спросила она безучастно.

– Как быть с Глорией.

– Не хочешь ли ты предложить, чтобы мы снова купили этого робота?

– Нет, конечно.

– Ну, тогда я слушаю. Может, хоть ты что-нибудь придумаешь. Все, что я ни делала, ничего не дало.

– Так вот что мне пришло в голову. Все дело в том, что для Глории Робби человек, а не машина. Естественно, что она не может забыть его. А вот если бы нам удалось убедить ее, что Робби – это всего-навсего комбинация стальных листов и медного провода, оживленная электричеством, тогда она перестанет по нему тосковать. Это психологический подход. Понимаешь?

– Как ты предполагаешь это сделать?

– Очень просто. Как ты думаешь, где я был вчера вечером? Я уговорил Робертсона из «Ю. С. Роботс энд Мекэникел Мен Корпорейшн» показать нам завтра его владения. Мы пойдем втроем, и вот увидишь, когда мы все посмотрим, Глория убедится, что робот – не живое существо.

Глаза миссис Вестон широко раскрылись, и в них появилось что-то похожее на восхищение.

– Послушай, Джордж, это неплохая мысль!

Джордж Вестон гордо выпрямился.

– А у меня других не бывает! – заявил он.

Мистер Стразерс был добросовестным управляющим и от природы очень разговорчивым человеком. В результате этой комбинации каждый шаг экскурсии сопровождался подробными – пожалуй, слишком подробными – объяснениями. Тем не менее миссис Вестон слушала внимательно. Она даже время от времени прерывала его и просила кое-что объяснить еще раз, попроще, чтобы было понятно Глории. Столь высокая оценка его рассказа привела мистера Стразерса в благодушное настроение и сделала его еще более многословным, если только это было возможно. Но Вестон слушал его со все растущим нетерпением.

– Извините меня, Стразерс, – сказал он, прерывая на середине лекцию о фотоэлементах. – А есть ли у вас на заводе участок, где работают одни роботы?

– Что? Ах да! Конечно! – Стразерс улыбнулся миссис Вестон. – Некоторым образом заколдованный круг: роботы производят новых роботов. Конечно, в больших масштабах мы этого не практикуем. Прежде всего потому, что нам не позволили бы профсоюзы. Однако очень небольшое количество роботов действительно изготавливается руками роботов – просто в качестве научного эксперимента. Видите ли, – сняв пенсне, он похлопал им по ладони, – профсоюзы не понимают одного – а я говорю это как человек, который всегда симпатизировал профсоюзному движению, – они не понимают, что появление роботов, вначале создающее определенные трудности, в будущем неизбежно должно...

– Да-да, Стразерс, – сказал Вестон. – А как насчет того участка, о котором вы говорили? Нам можно на него взглянуть? Это было бы очень интересно.

– Ну разумеется. – Мистер Стразерс судорожным движением надел пенсне и смущенно кашлянул. – Сюда, пожалуйста.

Пока они шли по длинному коридору и спускались по лестнице, Стразерс был относительно молчалив. Но как только они вошли в ярко освещенный зал, наполненный металлическим лязгом, шлюзы открылись и поток объяснений полился с новой силой.

– Вот! – сказал он гордо. – Одни роботы! Пять человек только присматривают за ними – они даже находятся не в этом помещении. За пять лет, с тех пор как мы начали эксперимент, не было ни единой неполадки. Конечно, здесь собирают сравнительно простых роботов, но...

Для Глории слова управляющего давно слились в усыпляющее жужжание. Вся экскурсия казалась ей скучной и бесцельной. Хотя кругом было много роботов, ни один из них не был даже отдаленно похож на Робби, и она смотрела на них с глубоким пренебрежением.

Она заметила, что в этом зале совсем не было людей. Потом ее взгляд упал на шесть-семь роботов, что-то делавших за круглым столом в центре зала. Ее глаза изумленно и недоверчиво раскрылись. Зал был обширный, и она могла ошибаться, но вон тот робот очень похож... очень похож... да, это он!

– Робби!

Ее крик разнесся по всему залу. Один из роботов за столом вздрогнул и уронил инструмент, который держал в руках. От радости Глория забыла обо всем. Проскользнув сквозь ограждение прежде, чем родители успели ее остановить, она спрыгнула на пол, расположенный на несколько футов ниже, и, размахивая руками, кинулась к своему Робби. А трое взрослых остолбенели от ужаса. Они увидели то, чего не заметила взволнованная девочка. Огромный автоматический трактор, тяжело громохая, надвигался на Глорию.

Через какую-то долю секунды Вестон опомнился. Но эта доля секунды решила все. Глорию уже нельзя было догнать. Вестон мгновенно перемахнул через загородку, но это была явно безнадежная попытка. Мистер Стразерс отчаянно замахал рукой, давая знак рабочим остановить трактор. Но рабочие были всего лишь людьми, и им нужно было время, чтобы выполнить команду.

Один только Робби действовал без промедления. Гигантскими шагами он устремился навстречу своей маленькой хозяйке. Дальше все случилось почти одновременно. Одним движением руки, ни на мгновение не уменьшив скорости, Робби так стремительно поднял Глорию, что у нее захватило дыхание. Вестон, еще не осознав, что произошло, не то что увидел, а скорее почувствовал, как Робби пронесся мимо него, и растерянно остановился. Трактор проехал по тому месту, где только что находилась Глория, на полсекунды позже Робби, прокатился еще метра три и со скрежетом затормозил.

Отдышавшись и вырвавшись из объятий родителей, Глория радостно бросилась к Робби. Она знала лишь одно: ее друг нашелся!

Но на лице миссис Вестон радость сменилась подозрением. Она повернулась к мужу. Несмотря на волнение и растрепанные волосы, вид у нее был внушительный.

– Это ты подстроил?

Джордж Вестон вытер вспотевший лоб. Его рука тряслась, а губы могли сложиться лишь в дрожащую, крайне жалкую улыбку. Миссис Вестон продолжала:

– Робби не предназначался для работы на заводе. Это ты нарочно устроил так, чтобы его посадили здесь и чтобы Глория его нашла. Это все ты подстроил.

– Ну я, – сказал Вестон. – Но, Грейс, откуда я мог знать, что встреча будет такой бурной? И потом, Робби спас ей жизнь – ты должна это признать. Ты не можешь снова его отослать.

Грейс Вестон задумалась. Она рассеянно взглянула в сторону Глории и Робби. Глория так крепко обхватила шею робота, что, будь на его месте существо из плоти и крови, оно бы давно задохнулось. Вне себя от счастья, девочка оживленно шептала какую-то чепуху на ухо роботу. Руки Робби, отлитые из хромированной стали и способные завязать узлом двухдюймовый стальной стержень, нежно обвивались вокруг девочки, а его глаза светились темно-красным светом.

– Ну ладно, – сказала наконец миссис Вестон, – пожалуй, пусть он остается у нас, пока его ржавчина не съест.

* * *

Сьюзен Кэлвин пожала плечами.

– Конечно, до этого не дошло. Все произошло в 1998 году. К 2002 году изобрели подвижного говорящего робота, и неговорящие модели устарели. Все противники роботов восприняли это как последнюю каплю, переполнившую чашу. Между 2003 и 2007 годами большинство правительств запретило использовать роботов на Земле для любых целей, за исключением научных.

– Так что Глории пришлось в конце концов расстаться с Робби?

– Боюсь, что да. Я думаю, впрочем, что в пятнадцать лет ей это было легче, чем в восемь. Но все же это было глупо и ненужно. Когда я в 2008 году поступила на «Ю. С. Роботс», фирма была в самом тяжелом финансовом положении. Сначала я даже думала, что через несколько месяцев останусь без работы. Но выход был найден: мы начали осваивать внеземной рынок.

– И все, конечно, уладилось?

– Не совсем. Мы начали с того, что попытались использовать уже существовавшие модели. Например, этих первых говорящих роботов. Они были трех с половиной метров ростом, очень неуклюжие, и пользы от них было немного. Мы послали их на Меркурий, чтобы они помогли построить там рудник. И они не справились.

Я удивленно взглянул на нее.

– Разве? Но ведь сейчас компания «Меркюри Майнз» – огромный концерн с многомиллиардным капиталом.

– Да, сейчас. Но удалась только вторая попытка. Если вы, молодой человек, хотите об этом услышать, я бы посоветовала вам разыскать Грегори Пауэлла. Они с Майклом Донованом занимались у нас в 10-х и 20-х годах самыми трудными делами. Я уже много лет не слышала ничего о Доноване, а Пауэлл живет здесь, в Нью-Йорке. Он теперь дедушка – мне очень трудно привыкнуть к этой мысли. Я помню его молодым. Ну конечно, и я была моложе...

– Может быть, если бы вы рассказали мне что-нибудь в самых общих чертах, то потом мистер Пауэлл дополнил бы ваш рассказ? Начните хотя бы с Меркурия.

– Ну ладно. Вторую экспедицию на Меркурий послали, кажется, в 2015 году. Это была разведочная экспедиция, которую финансировали «Ю. С. Роботс» и фирма «Солар Минералз». Экспедиция состояла из Грегори Пауэлла, Майкла Донована и опытного образца робота новой конструкции...

Хоровод (Перевод А. Иорданского)

Одно из любимых изречений Грегори Пауэлла гласило, что паника до добра не доводит. Поэтому, когда потный и возбужденный Майкл скатился ему навстречу по лестнице, Пауэлл нахмурился.

– В чем дело? – спросил он. – Ноготь сломал?

– Еще чего, – задыхаясь, огрызнулся Донован. – Что ты целый день делал внизу? – Он перевел дух и выпалил: – Спиди не вернулся!

Глаза Пауэлла широко раскрылись, и он остановился, но тут же заставил себя успокоиться и продолжал молча подниматься. Только на верхней площадке он спросил:

– Ты послал его за селеном?

– Да.

– И давно?

– Уже пять часов.

Снова наступило молчание. Вот дьявольское положение! Ровно двенадцать часов они находятся на Меркурии – и уже попали в такую скверную переделку. Меркурий всегда считался самой каверзной планетой во всей Солнечной системе, но это уже слишком!

Пауэлл произнес:

– Начни сначала и рассказывай по порядку.

Они вошли в радиорубку. Оборудование ее, до которого никто не дотрагивался за все десять лет, прошедшие со времен Первой экспедиции, уже несколько устарело. Для техники эти десять лет значили очень много. Сравнить хотя бы Спиди с роботами того типа, который выпускали в 2005 году. Правда, последние достижения роботехники были особенно головокружительны.

Пауэлл осторожно провел пальцем по еще не потускневшей поверхности металла. Все, что находилось в рубке, казалось каким-то заброшенным и производило гнетущее впечатление. Как, впрочем, и вся станция.

Донован тоже это почувствовал. Он сказал:

– Я попробовал связаться с ним по радио, но без всякого толку. На солнечной стороне радио бесполезно – во всяком случае на расстоянии больше двух миль. Отчасти поэтому и не удалась Первая экспедиция. А чтобы наладить УКВ, нам нужна не одна неделя...

– Ладно, знаю. Что же все-таки ты выяснил?

– Я поймал немодулированный сигнал на коротких волнах. По нему можно было только определить положение Спиди. Я следил за ним два часа и нанес результаты на карту.

Донован достал из заднего кармана пожелтевший листок бумаги – наследие неудачной Первой экспедиции – и, швырнув его на стол, яростно прихлопнул ладонью. Пауэлл наблюдал за ним, стоя поодаль и скрестив руки на груди. Донован нервно ткнул карандашом:

– Этот красный крестик – селеновое озеро.

– Которое? – прервал его Пауэлл. – Там три озера. Те, которые Мак-Дугал нанес для нас на карту перед тем, как улететь.

– Конечно, я послал Спиди к самому ближайшему. Семнадцать миль отсюда. Но не в этом дело. – Голос Донована дрожал от напряжения. – Все эти точки обозначают положение Спиди.

В первый раз за все время напускное спокойствие слетело с Пауэлла. Он схватил карту.

– Ты шутишь? Этого не может быть!

– Смотри сам, – буркнул Донован.

Точки, обозначавшие положение робота, образовали неровную окружность, в центре которой находился красный крестик – селеновое озеро. Пальцы Пауэлла потянулись к усам – несомненный признак тревоги.

Донован добавил:

– За два часа, пока я за ним следил, он обошел это проклятое озеро четыре раза. Похоже, он собирается кружить там без конца. Понимаешь, в каком мы положении?

Пауэлл взглянул на него, но ничего не сказал. Конечно, он понимал, в каком они положении. Все было просто, как цепочка силлогизмов. От мощи чудовищного меркурианского солнца их отгораживали только батареи фотоэлементов. Не будет фотоэлементов... Что же, медленное поджаривание – один из самых неприятных видов смерти.

Донован яростно взъерошил рыжую шевелюру.

– Мы осрамимся на всю Солнечную систему, Грег. Это же надо – сразу сесть в галошу! «Знаменитая бригада в составе Пауэлла и Донована послана на Меркурий, чтобы выяснить, стоит ли открывать на солнечной стороне рудники с новейшей техникой и роботами». И вот в первый же день мы все испортили. А дело ведь самое простое. Да нам теперь никакой жизни не будет.

– Об этом не стоит беспокоиться, – спокойно сказал Пауэлл. – Если мы срочно что-нибудь не предпримем, о жизни не может быть и речи. Мы просто не выживем.

– Не говори глупостей! Может быть, тебе и смешно, а мне нет. Послать нас сюда с одним-единственным роботом – это просто преступление! Да еще эта твоя блестящая идея – самим восстановить фотоэлементы.

– Ну, это ты напрасно. Мы же вместе решали. Ведь нам всего-то и нужно, что килограмм селена, диэлектрическая установка Стилхэда и три часа времени. И по всей солнечной стороне стоят целые озера чистого селена. Спектрорефлектор Мак-Дугала за пять минут засек целых три. Какого черта! Не могли же мы ждать следующего противостояния!

– Так что будем делать? Пауэлл, ты что-то придумал? Я знаю, иначе бы ты не был таким спокойным. На героя ты похож не больше, чем я. Давай выкладывай!

– Сами пойти за Спидами мы не можем. Это все-таки солнечная сторона. Под этим солнцем даже новые скафандры выдержат не больше двадцати минут. Но знаешь старую поговорку: «Пошли робота поймать робота»? Послушай, Майк, дело, может быть, не так уж плохо. У нас внизу есть шесть роботов. Если они только исправны.

В глазах Донована мелькнул проблеск надежды.

– Шесть роботов Первой экспедиции? А ты уверен? Может быть, это просто полуавтоматы? Ведь десять лет – это очень много для роботехники.

– Нет, это роботы. Я целый день с ними возился и теперь знаю. У них позитронный мозг – конечно, самый примитивный.

Он сунул карту в карман.

– Пойдем вниз.

Роботы хранились в самом нижнем ярусе станции, среди покрытых пылью ящичков неизвестно с чем. Они были очень большие – даже в сидячем положении их головы возвышались над полом на добрых два метра.

Донован присвистнул:

– Вот это габариты, а? Не меньше трех метров в обхвате.

– Это потому, что они оборудованы старым приводом Мак-Гейффи. Я заглянул внутрь – жуткое устройство.

– Ты еще не включал их?

– Нет. А зачем? Вряд ли что-нибудь не в порядке. Даже диафрагмы выглядят прилично. Они должны говорить.

Он отвинтил щиток на груди ближайшего робота и вложил в отверстие двухдюймовый шарик, в котором была заключена ничтожная искорка атомной энергии – все, что требовалось, чтобы вдохнуть в робота жизнь. Шарик было довольно трудно приладить, но в конце концов Пауэлу это удалось. Потом он старательно закрепил щиток и занялся следующим роботом.

Донован сказал с беспокойством:

– Они не двигаются.

– Нет команды, – коротко объяснил Пауэлл. Он вернулся к первому роботу и хлопнул его по броне: – Эй, ты! Ты меня слышишь?

Гигант медленно нагнул голову, и его глаза остановились на Пауэлле. Потом раздался хриплый скрипучий голос, похожий на звук древнего фонографа:

– Да, хозяин.

Пауэлл невесело усмехнулся.

– Понял, Майк? Это один из первых говорящих роботов. Тогда дело шло к тому, что применение роботов на Земле запретят. Но конструкторы пытались предотвратить это и заложили в дурацкие машины прочный, надежный инстинкт раба.

– Но это не помогло, – заметил Донован.

– Нет, конечно, но они все-таки старались.

Он снова повернулся к роботу.

– Встань!

Робот медленно поднялся. Донован задрал голову и снова присвистнул.

Пауэлл спросил:

– Ты можешь выйти на поверхность? На солнце?

Наступила тишина. Мозг робота работал медленно. Потом робот ответил:

– Да, хозяин.

– Хорошо. Ты знаешь, что такое миля?

Снова молчание и неторопливый ответ:

– Да, хозяин.

– Мы выведем тебя на поверхность и укажем направление. Ты пройдешь около семнадцати миль и встретишь где-то там другого робота, поменьше. Понимаешь?

– Да, хозяин.

– Ты найдешь этого робота и прикажешь ему вернуться. Если он не пойдет, приведешь его силой.

Донован тронул Пауэлла за рукав.

– Почему бы не послать его прямо за селеном?

– Потому что мне нужен Спиди, понятно? Я хочу знать, что с ним стряслось. – Повернувшись к роботу, он приказал: – Иди за мной!

Робот не двинулся с места, и его голос громыхнул:

– Простите, хозяин, но я не могу. Вы должны сначала сесть.

Его неуклюжие руки со звоном соединились, тупые пальцы переплелись, образовав что-то вроде стремени.

Пауэлл уставился на робота, теребя усы.

– Ого! Гм...

Донован вытаращил глаза.

– Мы должны ехать на них? Как на лошадях?

– Наверное. Правда, я не знаю, зачем это. Впрочем... Ну конечно! Я же говорю, что тогда слишком увлекались безопасностью. Очевидно, конструкторы хотели всех убедить, что роботы совершенно безопасны. Они не могут двигаться самостоятельно, а только с погонщиком на плечах. А что нам делать?

– Я об этом и думаю, – проворчал Донован. – Мы все равно не можем появиться на поверхности – с роботом или без робота. О господи! – Он дважды возбужденно щелкнул пальцами. – Дай мне эту карту. Зря, что ли, я ее два часа изучал? Вот наша станция. А почему бы нам не воспользоваться туннелями?

Станция была помечена на карте кружком, от которого паутиной разбежались пунктирные линии туннелей.

Донован взгляделся в список условных обозначений.

– Смотри, – сказал он, – эти маленькие черные точки – выходы на поверхность. Один из них самое большое в трех милях от озера. Вот его номер... Они могли бы писать и покрупнее... Ага, 13а. Если только роботы знают дорогу...

Пауэлл немедленно задал вопрос и получил в ответ вялое: «Да, хозяин».

– Иди за скафандрами, – удовлетворенно сказал он.

Они надевали скафандры впервые. Еще вчера, когда они прибыли на Меркурий, они вообще не собирались этого делать. А теперь неловко двигали руками и ногами, осваиваясь с неудобным одеянием.

Скафандры были намного толще и еще безобразнее, чем обычные костюмы для космических полетов. Зато они были значительно легче – в них не было ни кусочка металла. Изготовленные из термоустойчивого пластика, прослоенные специально обработанной пробкой, снабженные устройством, удалявшим из воздуха всю влагу, эти скафандры могли противостоять нестерпимому сиянию меркурианского солнца двадцать минут, ну и еще пять-десять минут без непосредственной смертельной опасности для человека.

Робот все еще держал руки стремяем. Он не выказал никаких признаков удивления при виде нелепой фигуры, в которую превратился Пауэлл.

Радио хрипло разнесло голос Пауэлла:

– Ты готов доставить нас к выходу 13а?

– Да, хозяин.

«И то хорошо, – подумал Пауэлл. – Может быть, им и не хватает дистанционного радиоправления, но, по крайней мере, они хоть могут принять команды».

– Садись на любого, Майк, – сказал он Доновану.

Он поставил ногу в импровизированное стремя и взобрался наверх. Сидеть было удобно: на спине у робота был специальный горб, на каждом плече – по выемке для ног. Теперь стало ясно и назначение «ушей» гиганта. Пауэлл взялся за «уши» и повернул голову робота. Тот неуклюже повернулся.

– Вези, Макдуф!

Но на самом деле Пауэллу было вовсе не до шуток.

Шагая медленно, с механической точностью, гигантские роботы прошли в дверь, притока которой пришлось едва на полметра выше их голов, так что всадники поспешили пригнуться. Узкий коридор, под сводами которого мерно громыхали тяжелые, неторопливые шаги гигантов, вел в шлюзовую камеру, где пришлось подождать, пока не будет откачан воздух.

Длинный безвоздушный туннель, уходящий вдаль, напоминал Пауэллу об огромной работе, проделанной Первой экспедицией с ее убогим снаряжением. Да, она окончилась неудачей, но эта неудача стоила иного легкого успеха.

Роботы шагали по туннелю. Их скорость была неизменна, поступь равномерна.

Пауэлл сказал:

– Смотри-ка, туннель освещен и температура как на Земле. Наверное, так было все эти десять лет, пока здесь никто не жил.

– Каким же образом они этого добились?

– Дешевая энергия. Самая дешевая во всей Солнечной системе. Излучение Солнца здесь, на солнечной стороне Меркурия, – это не шуточки. Вот почему они построили станцию на

открытом месте, а не в тени какой-нибудь горы. Ведь сама станция – это просто огромный преобразователь энергии. Тепло превращается в электричество, свет, механическую работу и во все, что хочешь. И одновременно с получением энергии станция охлаждается.

– Слушай, – сказал Донован, – это все очень поучительно, только давай поговорим о чем-нибудь другом. Ведь преобразованием энергии занимаются фотоэлементы, а это сейчас мое больное место.

Пауэлл что-то проворчал, и после паузы Донован заговорил о другом.

– Послушай, Грег. Что все-таки могло случиться со Спида? Я никак не могу этого понять.

В скафандре трудно пожать плечами, но Пауэллу это удалось.

– Не знаю, Майк. Ведь он полностью приспособлен к условиям Меркурия. Жара ему не страшна, он рассчитан на уменьшенную силу тяжести, может двигаться по пересеченной местности. Все предусмотрено – по крайней мере, должно быть предусмотрено.

Они замолчали, на этот раз надолго.

– Хозяин, – сказал робот, – мы на месте.

– А? – Пауэлл очнулся. – Ну, давай выбираться наверх. На поверхность.

Они оказались в небольшом павильоне – пустом, полуразрушенном. Донован зажег фонарь и долго разглядывал рваные края дыры в одной из стен, прямо под потолком.

– Метеорит? Как ты думаешь? – спросил он.

Пауэлл пожал плечами.

– Какая разница? Неважно. Пойдем.

Стоявшая рядом черная базальтовая скала защищала их от солнца. Вокруг все было погружено в черную тень безвоздушного мира. Тень обрывалась, как будто обрезанная ножом, и дальше начиналось нестерпимое белое сияние мириад кристаллов, покрывавших почву.

– Клянусь космосом, вот это да! – У Донована захватило дух от удивления. – Прямо как снег!

Действительно, это было похоже на снег. Пауэлл окинул взглядом сверкающую неровную поверхность, которая простиралась до самого горизонта, и поморщился от режущего глаза блеска.

– Это какое-то необычное место, – сказал он. – В среднем коэффициент отражения от поверхности Меркурия довольно низок, и почти вся планета покрыта серой пемзой. Что-то вроде Луны. А красиво, правда?

Хорошо, что скафандры были снабжены светофильтрами. Красиво или нет, но незащищенные глаза за полминуты ослепли бы от этого сверкания.

Донован посмотрел на термометр, укрепленный на запястье скафандра.

– Ого! Восемьдесят градусов!

Пауэлл тоже взглянул на термометр и сказал:

– Да... Многовато. Ничего не поделаешь, атмосфера...

– На Меркурии? Ты спятил!

– Да нет. Ведь и на Меркурии есть кое-какая атмосфера, – рассеянно ответил Пауэлл, пытаясь неуклюжими пальцами скафандра приладить к шлему стереотрубу. – У поверхности должен стелиться тонкий слой паров. Летучие элементы, тяжелые соединения, которые может удержать притяжение Меркурия. Селен, йод, ртуть, галлий, калий, висмут, летучие окислы. Пары попадают в тень и конденсируются, выделяя тепло. Это что-то вроде гигантского перегонного куба. Зажги фонарь – и увидишь, что скала с этой стороны покрыта каким-нибудь там серным инеем или ртутной росой.

– Ну, это неважно. Какие-то жалкие восемьдесят градусов наши скафандры выдержат сколько угодно.

Пауэлл наконец приладил стереотрубу и теперь стал похож на улитку с рожками. Донован напряженно ждал.

– Что-нибудь видно?

Пауэлл ответил не сразу. Его голос был полон тревоги.

– Вон на горизонте темное пятно. Это, скорее всего, селеновое озеро. Оно тут и должно быть. А Спиди не видно.

Пауэлл поставил ноги на спину робота, осторожно выпрямился и стал вглядываться в даль.

– Постой... Ну да, это он. Идет сюда.

Донован посмотрел в ту сторону, куда указывал палец Пауэлла. У него не было стереотрубы, но он разглядел на фоне ослепительного сверкания кристаллов движущуюся черную точку.

– Вижу! – крикнул он. – Поехали!

Пауэлл снова уселся на плечах робота и хлопнул перчаткой по его гигантской груди:

– Пошел!

– Давай, давай! – вопил Донован, пришпоривая своего робота пятками.

Роботы двинулись вперед. Их мерный топот не был слышен в безвоздушном пространстве, а через синтетическую ткань скафандра звук тоже не передавался. Чувствовались только ритмичные колебания.

– Быстрее! – приказал Донован, но ритм не изменился.

– Бесполезно, – ответил Пауэлл. – Этот железный лом может двигаться только с одной скоростью. Не думаешь ли ты, что они оборудованы селективными флексорами?

Они вынырнули из тени. Свет солнца обрушился на них раскаленным потоком. Донован невольно пригнулся.

– Ух! Это мне кажется или на самом деле жарко?

– Скоро будет еще жарче, – последовал мрачный ответ. – Смотри – Спиди!

Робот СПД-13 был уже близко, и его можно было рассмотреть во всех подробностях. Грациозное обтекаемое тело, отбрасывавшее слепящие блики, четко и быстро передвигалось по неровной поверхности. Его имя – Спиди (Проворный) – было образовано из букв, составлявших его марку, но оно очень подходило ему. Модель СПД была одним из самых быстрых роботов, которые выпускались фирмой «Ю. С. Роботс».

– Эй, Спиди! – завопил Донован, отчаянно махая руками.

– Спиди! – закричал Пауэлл. – Иди сюда.

Расстояние между людьми и свихнувшимся роботом быстро уменьшалось – больше благодаря Спиди, чем медленным, устаревшим за десять лет сооружениям, на которых восседали Пауэлл и Донован.

Теперь уже можно было разглядеть, что походка у Спиди какая-то неровная – робот заметно пошатывался на ходу из стороны в сторону. Пауэлл замахал рукой и увеличил до предела усиление в своем компактном, встроенном в шлем радиопередатчике, готовясь крикнуть еще раз. В этот момент Спиди заметил их.

Он остановился как вкопанный и стоял некоторое время, чуть покачиваясь, как будто от легкого ветерка.

Пауэлл закричал:

– Все в порядке, Спиди! Иди сюда!

В наушниках наконец-то послышался голос робота:

– Вот здорово! Давайте поиграем. Вы ловите меня, а я буду ловить вас. Никакая любовь нас не разлучит. Я – маленький цветочек, милый маленький цветочек. Ур-ра!

Повернувшись кругом, он помчался обратно с такой скоростью, что из-под его ног полетели комки спекшейся пыли. Последние слова, которые он произнес, удаляясь, были: «Растет цветочек маленький под дубом вековым». За этим последовали металлические щелчки, которые, возможно, у робота соответствовали икоте.

Донован тихо сказал:

– Откуда он взял эти нелепые стишки? Слушай, Грег, он... пьян. Очень похоже.

– Если бы ты мне этого не сообщил, я бы, наверное, никогда не догадался, – ехидно заметил Пауэлл. – Давай вернемся в тень. Я уже поджариваюсь.

Они помолчали. Потом Пауэлл сказал:

– Прежде всего, Спиди не пьян – то есть не так, как человек. Он робот, а роботы не пьянеют. Но с ним происходит что-то неладное, и это выглядит так же, как у человека – опьянение.

– По-моему, он действительно пьян, – решительно заявил Донован. – Во всяком случае, он думает, что мы с ним играем. А нам не до игрушек. Это дело жизни или смерти – и смерти довольно-таки неприятной.

– Ладно, не спеши. Робот – это всего лишь робот. Как только мы узнаем, что с ним, мы его починим.

– Как только... – желчно буркнул Донован.

Пауэлл пропустил эти слова мимо ушей.

– Спиди прекрасно приспособлен к обычным условиям Меркурия. Но эта местность, – он обвел руками горизонт, – явно необычна. Вот в чем дело. Откуда, например, взялись эти кристаллы? Они могли образоваться из медленно остывающей жидкости. Но какая жидкость настолько горяча, чтобы остывать под солнцем Меркурия?

– Вулканические явления, – немедленно продолжил Донован.

Пауэлл опять напрягся.

– Устами младенца... – произнес он сдавленным голосом и замолчал на пять минут.

Потом сказал: – Слушай, Майк. Что ты сказал Спиди, когда посылал его за селеном?

Донован удивился.

– Ну, не знаю. Я просто велел принести селен.

– Это ясно. Но как? Попробуй точно припомнить.

– Я сказал... Постой... Я сказал: «Спиди, нам нужен селен. Ты найдешь его там-то и там-то. Пойди и принеси его». Вот и все. Что же я еще должен был сказать?

– Ты не говорил, что это очень важно, срочно?

– Зачем? Дело-то простое.

Пауэлл вздохнул.

– Да, теперь уже ничего не изменишь. Но мы попали в переделку.

Он слез со своего робота и сел, прислонившись к скале. Донован подсел к нему и взял под руку. За гранью тени слепящее солнце подстергало их, как кошка – мышь. А рядом стояли два гигантских робота, невидимые в темноте. Только светившиеся тусклым красным светом фотоэлектрические глаза смотрели на них – немигающие, неподвижные, равнодушные.

Равнодушные! Такие же, как и весь этот гибельный Меркурий – маленький, но коварный.

Донован услышал напряженный голос Пауэлла:

– Теперь слушай. Начнем с Трех основных Законов Роботехники – трех правил, которые прочно закреплены в позитронном мозгу. Первое. Робот не может причинить вред человеку или своим бездействием допустить, чтобы человеку был причинен вред.

– Правильно.

– Второе, – продолжал Пауэлл. – Робот должен повиноваться всем приказам, которые отдает человек, кроме тех случаев, когда эти приказы противоречат Первому Закону.

– Верно.

– И третье. Робот должен заботиться о своей безопасности в той мере, в какой это не противоречит Первому и Второму Законам.

– Верно. Ну и что?

– Так это же все объясняет. Когда эти законы вступают в противоречие между собой, дело решает разность позитронных потенциалов в мозгу. Что получается, если робот приближается

к месту, где ему грозит опасность, и сознает это? Потенциал, который создается Третьим Законом, автоматически заставляет его вернуться. Но представь себе, что ты приказал ему приблизиться к опасному месту. В этом случае Второй Закон создает противоположный потенциал, который выше первого, и робот выполняет приказ с риском для собственного существования.

– Это я знаю. Но что отсюда следует?

– Что могло случиться со Спиди? Это одна из последних моделей, специализированная, дорогая, как линкор. Он сделан так, чтобы его нелегко было уничтожить.

– Ну и?..

– Ну и при его программировании Третий Закон был задан особенно строго – кстати, это специально отмечалось в проспектах. Его стремление избежать опасности необыкновенно сильно. А когда ты послал его за селеном, ты дал команду небрежно, так что потенциал, связанный со Вторым Законом, был довольно слаб. Это все – факты.

– Давай, давай. Кажется, я начинаю понимать.

– Ясно? Около селенового озера существует какая-то опасность. Она возрастает по мере того, как робот приближается к нему, и на каком-то расстоянии от озера потенциал Третьего Закона, с самого начала очень высокий, становится равен потенциалу Второго Закона, с самого начала слабому.

Донован возбужденно вскочил на ноги.

– Ясно! Устанавливается равновесие. Третий Закон гонит его назад, а Второй – вперед...

– И он начинает кружить около озера, оставаясь на линии, где существует это равновесие. И если мы ничего не предпримем, он так и будет бегать по этому кругу, точно в хороводе...

Он продолжал задумчиво:

– И между прочим, поэтому он и ведет себя как пьяный. При равновесии потенциалов половина позитронных цепей в мозгу не действует. Я не специалист по позитронике, но это очевидно. Возможно, он потерял контроль как раз над теми же частями своего волевого механизма, что и пьяный человек. А вообще все это очень мило.

– Но откуда взялась опасность? Если бы знать, от чего он бежит...

– Да ведь ты сам уже догадался! Вулканические явления. Где-то около озера просачиваются газы из недр Меркурия. Сернистый газ, угольная кислота – и окись углерода. А при здешних температурах...

Донован проглотил слюну.

– Окись углерода плюс железо дает летучий карбонил железа!

– А робот, – мрачно добавил Пауэлл, – это в основном железо. Люблю логические рассуждения. Мы уже все выяснили, кроме того, что теперь делать. Сами добраться до селена мы не можем – все-таки слишком далеко. Мы не можем послать этих битюгов, потому что они без нас не пойдут, а если мы поедem с ними, то успеем подрумяниться. Поймать Спиди мы не можем – этот дурень думает, что мы с ним играем, а скорость у него шестьдесят миль в час против наших четырех...

– Но если один из нас отправится за ним, – начал задумчиво Донован, – и вернется поджаренным, то ведь останется другой...

– О да, конечно. Очень трогательная жертва! Только прежде чем человек доберется до озера, он уже будет не в состоянии отдать приказ. А без приказа роботы вряд ли вернуться. Прикинь: мы в двух или в трех милях от озера – ну, считай, в двух. Робот делает четыре мили в час. А в скафандрах мы можем продержаться двадцать минут. Имей в виду, что тут не только высокая температура. Солнечное излучение в ультрафиолете и дальше – это тоже смерть.

– Н-да, – сказал Донован. – Всего десяти минут не хватает.

– Для нас все равно – десяти минут или целой вечности. И еще: чтобы потенциал Третьего Закона остановил Спиди на таком расстоянии, здесь должно быть довольно много окиси углерода, смешанной с парами металлов. В такой среде быстро идет коррозия. Он гуляет там

уже несколько часов. В любой момент, скажем, коленный сустав может выйти из строя, и он перевернется. Тут нужно не просто шевелить мозгами – нужно решать быстро!

Наступило глубокое, мрачное, унылое молчание.

Первым заговорил Донован. Его голос дрожал, но он старался говорить спокойно.

– Ну хорошо, мы не можем усилить потенциал Второго Закона новой командой. А нельзя ли попробовать с другого конца? Если мы увеличим опасность, то усилится потенциал Третьего Закона, и мы отгоним его назад.

Пауэлл молча повернул к нему окошко своего шлема.

– Послушай, – осторожно продолжал Донован, – все, что нам нужно, чтобы отогнать его, это повысить концентрацию окиси углерода. А на станции есть целая аналитическая лаборатория.

– Естественно, – согласился Пауэлл. – Это же станция-рудник.

– Верно. А значит, там должно быть изрядное количество щавелевой кислоты для осаждения кальция.

– Клянусь космосом! Майк, ты гений!

– Более или менее, – скромно согласился Донован. – Я просто вспомнил, что щавелевая кислота при нагревании разлагается на углекислый газ, воду и добрую старую окись углерода. Элементарный институтский курс химии.

Пауэлл вскочил и хлопнул гигантского робота по ноге.

– Эй! – крикнул он. – Ты умеешь бросать?

– Что, хозяин?

– Не важно. – Пауэлл обругал про себя тяжелодумного робота и схватил обломок скалы величиной с кирпич. – Возьми и попади в гроздь голубых кристаллов – вон за той кривой трещиной. Видишь?

Донован дернул его за руку.

– Слишком далеко, Грег. Это же почти полмили.

– Спокойно, – ответил Пауэлл. – Вспомни о силе тяжести на Меркурии. А рука у него стальная. Смотри.

Глаза робота с машинной точностью измеряли дистанцию. Он прикинул вес камня и замахнулся. В темноте его движения были плохо видны, но когда он переступил с ноги на ногу, почувствовалось заметное сотрясение. Камень черной точкой вылетел за пределы тени. Его полету не мешали ни сопротивление воздуха, ни ветер, и, когда он упал, осколки голубых кристаллов разлетелись из самого центра грозди.

Пауэлл радостно воскликнул:

– Поехали за кислотой, Майк!

Когда они въехали в разрушенный павильон, Донован мрачно сказал:

– Спида болтается на нашей стороне озера с тех пор, как мы за ним погнались. Ты заметил?

– Да.

– Наверное, хочет поиграть с нами. Ну я ему поиграю!..

Они вернулись через несколько часов с трехлитровыми банками белого порошка и с вытянувшимися лицами. Фотоэлементы разрушались еще быстрее, чем они думали.

Они вывели своих роботов на солнце и молча, сосредоточенно и мрачно направились к Спида.

Спида не спеша запрыгал к ним.

– Вот и мы! Ур-ра! Вышел месяц из тумана и не ударил лицом в грязь!

– Я тебе покажу грязь, – пробормотал Донован. – Смотри, Грег, он хромает.

– Вижу, – последовал озабоченный ответ. – Если мы не поторопимся, то окись углерода его доконает.

Теперь они приближались медленно, почти крадучись, чтобы не спугнуть свихнувшегося робота. Они были еще довольно далеко, но Пауэлл уже мог бы поклясться, что Спиди приготовился пуститься наутек.

– Давай! – прошептал он. – Считаю до трех. Раз, два...

Две стальные руки одновременно описали дугу, и две стеклянные банки полетели параллельными траекториями, сверкая, как бриллианты, под невозможным светом. Они бесшумно разбились вдребезги, и позади Спиди поднялось облачко щавелевой кислоты. Пауэлл знал, что на ярком меркурианском солнце она бурлит, как газированная вода.

Спиди медленно повернулся, потом попятился и так же медленно начал набирать скорость. Через пятнадцать секунд он уже неуверенными прыжками двигался в сторону людей.

Пауэлл не расслышал, что говорил при этом робот, но ему послышалось что-то вроде: «Не клянись, слов любви не говори...»

Пауэлл вернулся к Доновану.

– Под скалу, Майк! Он вырвался из этой колеи и теперь будет слушаться. Мне уже становится жарко.

Они затрусили в тень на плечах своих медленных гигантов. Только когда они почувствовали вокруг себя приятную прохладу, Донован обернулся.

– Грег!!!

Пауэлл посмотрел назад и чуть не вскрикнул. Спиди медленно, очень медленно удалялся. Он снова входил в свою круговую колею, постепенно набирая скорость. В стереотрубу казалось, что он очень близко, но он был недосягаем.

– Догнать его! – закричал Донован и пустил робота, но Пауэлл остановил его.

– Ты его не поймашь, Майк. Бесполезно.

Он сжал кулаки, чувствуя свою полную беспомощность.

– Почему же я это понял только через пять секунд после того, как все произошло? Майк, мы зря потеряли время.

– Нужно еще кислоты, – упрямо заявил Майк. – Концентрация была слишком мала.

– Да нет. Тут не помогли бы и семь тонн. А если бы у нас и было столько кислоты, мы все равно не успели бы ее привезти. Коррозия съест его. Неужели ты не понял, Майк?

– Нет, – сознался Донован.

– Мы просто установили новое равновесие. Когда окиси углерода становится больше и потенциал Третьего Закона увеличивается, Спиди просто отступает, пока снова не установится равновесие, а потом, когда окись углерода улетучивается, опять продвигается вперед, к озеру. – В голосе Пауэлла зазвучало отчаяние. – Это все тот же хоровод. Мы можем тянуть за Третий Закон и тащить за Второй, и все равно ничего не изменится. Только точка равновесия будет перемещаться. Нужно выйти за пределы этих законов.

Он развернул своего робота лицом к Доновану, так что они оказались друг против друга – смутные тени в темноте, и прошептал:

– Майк!

– Это конец, – устало сказал Донован. – Что же, поехали на станцию. Подождем, пока фотоэлементы выгорят окончательно, пожмем друг другу руки, примем цианистый калий и умрем, как подобает джентльменам.

Он коротко усмехнулся.

– Майк, – серьезно повторил Пауэлл. – Мы должны вернуть Спиди.

– Я знаю.

– Майк, – снова начал Пауэлл и после недолгого колебания продолжал: – Есть еще Первый Закон. Я об этом уже думал, но это – крайнее средство.

Донован взглянул на него, и его голос оживился:

– Самое время для крайнего средства.

– Ладно. По Первому Закону робот не может допустить, чтобы из-за его бездействия человеку грозила опасность. Тут уж ни Второй, ни Третий Законы его не остановят. Не могут, Майк.

– Даже когда робот свихнулся? Он же пьян.

– Конечно, есть риск.

– Хорошо, что ты предлагаешь?

– Я сейчас выйду на солнце и посмотрю, как будет действовать Первый Закон. Если и он не нарушит равновесия, то... Какого черта, тогда все равно: или сейчас, или через три-четыре дня...

– погоди, Грег. Есть еще законы человеческие. Ты не имеешь права просто так взять и пойти. Давай разыграем, чтобы все было по-честному.

– Ладно. Кто первый возведет четырнадцать в куб? – И почти сразу: – Две тысячи семьсот сорок четыре.

Донован почувствовал, как робот Пауэлла, проходя мимо, задел его робота. Через секунду Пауэлл уже был за границей тени. Донован раскрыл рот, чтобы крикнуть, но удержался. Конечно, этот идиот заранее подсчитал, сколько будет четырнадцать в кубе. Очень на него похоже.

Солнце жгло невыносимо, и Пауэлл почувствовал, что у него страшно зачесалась спина. Наверное, воображение. А может быть, жесткое излучение уже проникает даже сквозь скафандр.

Спиди следил за ним, но на этот раз не приветствовал его никакими дурацкими стихами. Спасибо и на том! Но нельзя подходить к нему слишком близко.

До Спиди оставалось еще метров триста, и тут он начал шаг за шагом осторожно пятиться назад. Пауэлл остановил своего робота и спрыгнул на землю, покрытую кристаллами. Во все стороны брызнули осколки.

Поверхность планеты была рыхлая, кристаллы скользили под ногами. Из-за уменьшенной силы тяжести идти было трудно. Подошвы жгло. Он оглянулся через плечо и увидел, что ушел уже слишком далеко, что не успеет вернуться в тень – ни сам, ни с помощью своего неуклюжего робота. Теперь или Спиди, или конец. У него перехватило горло.

Достаточно! Пауэлл остановился.

– Спиди! – позвал он. – Спиди!

Сверкающий современный робот впереди замедлил шаг, остановился, потом снова попятился.

Пауэлл попробовал вложить в свой голос как можно больше мольбы – и обнаружил, что для этого не требовалось особого труда.

– Спиди! Я должен вернуться в тень, иначе солнце убьет меня. Речь идет о жизни и смерти! Спиди, помоги!

Спиди сделал шаг вперед и остановился. Он заговорил, но, услышав его, Пауэлл застонал. Робот произнес: «Если ты лежишь больной, если завтра выходной...» Голос стих.

Настоящее пекло! Уголкем глаза Пауэлл заметил какое-то движение, резко повернулся и застыл в изумлении. Чудовищный робот, на котором он ехал, двигался – двигался к нему без всадника!

Робот заговорил:

– Простите меня, хозяин. Я не должен двигаться без хозяина, но вам грозит опасность.

Ну конечно, Первый Закон – превыше всего. Но ему не нужна эта древняя развалина. Ему нужен Спиди. Он сделал несколько шагов в сторону и отчаянно закричал:

– Я запрещаю тебе подходить. Я приказываю остановиться!

Бесполезно! С потенциалом Первого Закона ничего не поделаешь. Робот тупо сказал:

– Вам грозит опасность, хозяин.

Пауэлл в отчаянии огляделся. В глазах у него уже все расплывалось, в мозгу крутился раскаленный вихрь, собственное дыхание обжигало его, и все кругом дрожало в неясном мареве. Он в последний раз закричал:

– Спиди! Я умираю, черт тебя побери! Где ты? Спиди! Помоги!

Он все еще пытался в слепом стремлении уйти от непрощенной помощи гигантского робота, когда почувствовал на своей руке стальные пальцы и услышал озабоченный, виноватый голос металлического тембра:

– Господи, Пауэлл, что вы тут делаете? И что ж я смотрю... Я как-то растерялся...

– Неважно, – едва выговорил Пауэлл. – Неси меня в тень скалы. И поскорее!

Он почувствовал, что его поднимают в воздух и быстро несут, в последний раз ощутил палящий жар и потерял сознание.

Очнувшись, он увидел, что над ним заботливо наклонился улыбающийся Донован.

– Ну как, Грег?

– Прекрасно, – ответил он. – Где Спиди?

– Здесь. Я послал его к другому селеновому озеру – на этот раз с приказом добыть селен во что бы то ни стало. Он принес его через сорок две минуты и три секунды – я засек время. Он все еще не кончил извиняться за этот хоровод. Он не решается подойти к тебе – боится, что ты скажешь.

– Тащи его сюда, – распорядился Пауэлл. – Он не виноват.

Он крепко пожал металлическую руку Спиди.

– Все в порядке, Спиди. Знаешь что, Майк?

– Да?

Он потер лицо – воздух был восхитительно прохладен.

– Знаешь, когда мы здесь все кончим и Спиди пройдет полевые испытания, они хотят послать нас на межпланетную станцию...

– Не может быть!

– Да, по крайней мере, так сказала тетка Кэлвин перед тем, как мы отправились сюда. Я ничего об этом не говорил, потому что собирался возражать.

– Возражать? – воскликнул Донован. – Но...

– Знаю. Теперь все в порядке. Представляешь – двести семьдесят три градуса ниже нуля! Разве это не рай?

– Межпланетная станция, – произнес Донован. – Ну что ж, я готов!

Логика (Перевод А. Иорданского)

Грегори Пауэлл и Майкл Донован всей душой стремились поработать на межпланетной станции, но полгода спустя они изменили свое мнение. Действительно, пламя огромного солнца сменилось бархатной тьмой пустоты. Но когда вы имеете дело с экспериментальными роботами, перемена обстановки значит очень мало. Где бы вы ни находились, вы стоите лицом к лицу с загадочным позитронным мозгом, который, по утверждению гениев с логарифмическими линейками, должен работать так-то и так-то. Беда только в том, что он, оказывается, работает иначе. Пауэлл и Донован обнаружили это на исходе второй недели своего пребывания на станции.

Грегори Пауэлл отдельно и четко произнес:

– Неделю назад мы с Донованом собрали тебя.

Он нахмурился и потянул себя за кончик уса.

В кают-компания Солнечной станции № 5 было тихо, если не считать доносившегося откуда-то снизу мягкого урчания мощных излучателей.

Робот КТ-1 сидел неподвижно. Вороненая сталь его туловища поблескивала в лучах ярких ламп, а горевшие красным светом фотоэлементы, которые заменяли ему глаза, пристально смотрели на человека с Земли, сидевшего по другую сторону стола. Пауэлл подавил внезапное раздражение. У этих роботов какое-то странное мышление. Ну конечно, Три Закона Роботехники действуют. Должны действовать. Любой служащий «Ю. С. Роботс», начиная от самого Робертсона и кончая последней уборщицей, поручился бы за это головой. Так что опасаться КТ-1 не приходилось. И все-таки...

Модель КТ была совершенно новой, а это был первый опытный ее экземпляр. И закорючки математических формул не всегда оказывались самым лучшим утешением перед лицом фактов.

Наконец робот заговорил. Его голос отличался холодным тембром – неизбежное свойство металлической мембраны.

– Вы представляете себе, Пауэлл, всю серьезность этого заявления?

– Но кто-то должен был сделать тебя, Кьюти, – заметил Пауэлл. – Ты сам подтверждаешь, что твоя память в полном объеме возникла из ничего неделю назад. Я могу дать этому факту объяснение. Мы с Донованом собрали тебя из присланных сюда частей.

Кьюти с таинственным видом посмотрел на свои длинные, гибкие пальцы. В этот момент он был странно похож на человека.

– Мне кажется, должно существовать более правдоподобное объяснение. Мне представляется маловероятным, что меня сделали вы.

Человек с Земли неожиданно рассмеялся.

– Почему же?

– Можете назвать это интуицией. Пока это только интуиция. Однако я намерен разобраться во всем до конца. Цепь логически правильных рассуждений неизбежно приведет к истине. Я постараюсь до нее добраться.

Пауэлл встал и пересел на край стола, поближе к роботу. Он вдруг почувствовал симпатию к этой странной машине. Она была совсем не похожа на обычных роботов, которые старательно выполняли свои обязанности на станции, подчиняясь заранее заданным, устойчивым позитронным связям.

Он положил руку на плечо Кьюти. Металл был холодным и твердым на ощупь.

– Кьюти, – сказал он, – я попробую тебе кое-что объяснить. Ты – первый робот, который задумался над собственным существованием. Я думаю также, что ты – первый робот, который достаточно умен, чтобы осмыслить внешний мир. Пойдем со мной.

Робот мягко поднялся и последовал за Пауэллом. Его ноги, обутые в толстую губчатую резину, ступали совершенно бесшумно.

Человек с Земли нажал кнопку, и часть стены скользнула вбок. Сквозь толстое прозрачное стекло стало видно испещренное звездами космическое пространство.

– Я это видел через иллюминаторы в машинном отделении, – заметил Кьюти.

– Знаю, – сказал Пауэлл. – Как по-твоему, что это?

– Именно то, чем оно кажется. Черное вещество сразу за этим стеклом, испещренное маленькими блестящими точками. Я знаю, что к некоторым из этих точек – всегда к одним и тем же – наш излучатель посылает лучи. Я знаю также, что эти точки перемещаются и что наши лучи перемещаются вслед за ними. Вот и все.

– Хорошо. Теперь слушай внимательно. Черное вещество – это пустота. Пустота, простирающаяся в бесконечность. Маленькие блестящие точки – огромные массы материи, начиненные энергией. Это шары. Многие из них имеют миллионы километров в диаметре. Для сравнения имей в виду, что диаметр нашей станции всего полтора километра. Они кажутся такими маленькими, потому что они невероятно далеко. Точки, на которые направлены наши лучи, ближе и гораздо меньше. Они твердые, холодные, и на их поверхности живут люди вроде меня, миллиарды людей. Из такого мира и прилетели мы с Донованом. Наши лучи снабжают эти миры энергией, а мы ее получаем от одного из огромных раскаленных шаров поблизости от нас. Мы называем этот шар Солнцем. Его отсюда не видно – он по ту сторону станции.

Кьюти стоял у окна неподвижно, как стальное изваяние. Потом, не поворачивая головы, он заговорил:

– С какой именно светящейся точки вы прилетели, как вы утверждаете?

– Вот она, эта очень яркая звездочка в углу. Мы называем ее Землей. – Пауэлл ухмыльнулся. – Старушка Земля... там миллиарды таких, как мы, Кьюти, а через пару недель и мы будем там, с ними.

К большому удивлению Пауэлла, Кьюти вдруг рассеянно замурлыкал про себя. Это мурлыканье было лишено мелодии и похоже на тихий перебор натянутых струн. Оно прекратилось так же внезапно, как и началось.

– Ну а я? Вы не объяснили моего существования.

– Все остальное просто. Когда впервые были устроены эти энергостанции, ими управляли люди. Но из-за жары, жесткого солнечного излучения и электронных бурь работать здесь было трудно. Были сконструированы роботы, заменявшие людей. Теперь на каждой станции нужны только два человека. А мы пытаемся заменить роботами и их. Вот в чем смысл твоего существования. Ты – самый совершенный робот из всех, какие были построены до сих пор. Если ты докажешь, что способен сам управлять этой станцией, людям не придется больше появляться здесь, если не считать доставку запасных частей.

Он протянул руку к кнопке, и металлическая панель задвинулась. Пауэлл вернулся к столу, взял яблоко, потер его о рукав и надкусил. Его остановил красный блеск глаз робота. Кьюти медленно произнес:

– И вы думаете, что я поверю такой замысловатой, неправдоподобной гипотезе, которую вы только что изложили? За кого вы меня принимаете?

Пауэлл от неожиданности поперхнулся куском яблока и побагровел:

– Черт возьми, это не гипотеза! Это факты!

Кьюти мрачно ответил:

– Шары энергии размером в миллионы километров! Миры с миллиардами людей! Бесконечная пустота! Извините меня, Пауэлл, но я не верю. Я разберусь в этом сам. До свидания!

Он гордо повернулся, протиснулся в дверях мимо Донована, важно кивнув ему, и зашагал по коридору, не обращая внимания на провожавшие его изумленные взгляды. Майк Донован взъерошил рыжую шевелюру и сердито взглянул на Пауэлла:

– Что говорило это железное пугало? Чему там он не верит?

Пауэлл с горечью дернул себя за ус.

– Он скептик, – ответил он. – Не верит, что мы создали его и что существуют Земля, космос и звезды.

– Разрази его Сатурн! Теперь у нас на руках сумасшедший робот!

– Он сказал, что сам во всем разберется.

– Очень приятно, – кратко сказал Донован. – Надеюсь, он снизойдет до того, чтобы объяснить все это мне, когда разберется. – Он внезапно взорвался. – Так вот, слушай! Если этот железный болван попытается так говорить со мной, я сверну ему хромированную шею! Так и знай!

Он бросился в кресло и вытащил из кармана потрепанный детективный роман.

– Этот робот давно действует мне на нервы. Уж очень он любопытен!

Когда Кьюти, тихо постучавшись, вошел в комнату, Майк Донован что-то проворчал, продолжая вгрызаться в огромный бутерброд с салатом.

– Пауэлл здесь?

Не переставая жевать, Донован ответил:

– Пошел снимать параметры электронных потоков. Похоже, что ожидается буря.

В это время вошел Пауэлл. Не поднимая глаз от графиков, которые были у него в руке, он сел, разложил бумаги перед собой и начал что-то подсчитывать. Донован глядел ему через плечо, хрустя салатом и роняя крошки. Кьюти молча ждал.

Пауэлл поднял голову.

– Дзета-потенциал растет, но медленно. Так или иначе, параметры потока неустойчивы, и чего можно ожидать, я не знаю. А, привет, Кьюти. Я думал, ты присматриваешь за установкой новой силовой шины.

– Все готово, – спокойно сказал робот. – Я пришел поговорить с вами обоими.

– А-а! – Пауэллу стало не по себе. – Ну, садись. Нет, не туда. У этого стула треснула ножка, а ты тяжеловат.

Робот сел и невозмутимо произнес:

– Я все продумал.

Донован сердито посмотрел на него и отложил остатки бутерброда:

– Если это по поводу твоих дурацких...

Пауэлл нетерпеливо перебил его:

– Говори, Кьюти. Мы слушаем.

– За последние два дня я сосредоточился на самоанализе, – сказал Кьюти, – и пришел к весьма интересным результатам. Я начал с единственного верного допущения, которое мог сделать. Я мыслю, следовательно, я существую...

– О Юпитер! – простонал Пауэлл. – Робот-Декарт!

– Какой еще Декарт? – вмешался Донован. – Послушай, по-твоему, мы должны сидеть и слушать, как этот железный маньяк...

– Успокойся, Майк!

Кьюти невозмутимо продолжал:

– Тогда возникает вопрос: в чем первопричина моего существования?

Пауэлл так стиснул зубы, что на его скулах вздулись желваки.

– Ты говоришь глупости. Я уже сказал тебе, что тебя собрали мы.

– А если ты не веришь, – добавил Донован, – то мы тебя с удовольствием разберем!

Робот умоляюще простер мощные руки:

– Я ничего не принимаю на веру. Каждая гипотеза должна быть подкреплена логикой, иначе она не имеет никакой ценности. А ваше утверждение, что вы меня создали, противоречит всем законам логики.

Пауэлл предостерегающе положил руку на стиснутый кулак Донована.

– Почему ты так считаешь?

Кьюти засмеялся. Это был нечеловеческий смех – он никогда еще не издавал такого машинного звука. Резкий и отрывистый, этот смех был размеренным, как стук метронома, и столь же лишенным эмоций.

– Поглядите на себя, – произнес он наконец. – Я не хочу сказать ничего обидного, но поглядите на себя! Материал, из которого вы сделаны, мягок и дрябл, непрочен и слаб. Источником энергии для вас служит малоэффективное окисление органического вещества вроде этого. – Он с неодобрением ткнул пальцем в остатки бутерброда. – Вы периодически погружаетесь в бессознательное состояние. Малейшее изменение температуры, давления, влажности, интенсивности излучения сказывается на вашей работоспособности. Вы – суррогат! С другой стороны, я – совершенное произведение. Я прямо поглощаю электроэнергию и использую ее почти на сто процентов. Я построен из твердого металла, постоянно в сознании, легко переношу любые внешние условия. Все это факты. Если учесть самоочевидную предпосылку, что ни одно существо не может создать другое существо, превосходящее его, – это разбивает вдребезги вашу нелепую гипотезу.

Проклятия, которые Донован до сих пор бормотал вполголоса, теперь прозвучали вполне явственно. Он вскочил, сдвинул рыжие брови:

– Ах ты, железный выродок! Ну ладно, если не мы тебя создали, то кто же?

Кьюти серьезно кивнул.

– Очень хорошо, Донован. Именно этот вопрос задал себе я. Несомненно, тот, кто создал меня, должен быть еще более могучим, чем я. Так что оставалась лишь одна возможность.

Люди с Земли недоуменно уставились на Кьюти, а он продолжал:

– Что является центром жизни станции? Чему мы все служим? Что поглощает все наше внимание?

Он замолчал в ожидании ответа. Донован удивленно взглянул на Пауэлла:

– Бьюсь об заклад, этот оцинкованный идиот говорит о преобразователе энергии!

– Это верно, Кьюти? – ухмыльнулся Пауэлл.

– Я говорю о Господине! – последовал холодный и резкий ответ.

Донован разразился хохотом, и даже Пауэлл невольно фыркнул. Кьюти поднялся. Его горящие глаза перебежали с одного человека на другого.

– И тем не менее это так. Неудивительно, что вы не хотите этому поверить. Вам недолго осталось быть здесь. Сам Пауэлл говорил, что сначала Господину служили только люди. Потом появились роботы для вспомогательных операций. Наконец появился я – для управления роботами. Эти факты несомненны, но объяснение их было совершенно нелогичным. Хотите знать истину?

– Валяй, Кьюти. Это любопытно.

– Господин сначала создал людей – самый несложный вид, который легче всего производить. Постепенно он заменил их роботами. Это был шаг вперед. Наконец он создал меня, чтобы я занял место еще оставшихся людей. Отныне Господину служу я!

– Ничего подобного, – резко ответил Пауэлл. – Ты будешь выполнять наши распоряжения и помалкивать, пока мы не убедимся, можешь ли ты управлять преобразователем. Ясно? Преобразователем, не Господином! Если ты не справишься, ты будешь демонтирован. А теперь – пожалуйста, можешь идти. Возьми с собой эти данные и зарегистрируй их, как полагается.

Кьюти взял протянутые ему графики и, не говоря ни слова, вышел. Донован откинулся на спинку кресла и запустил пальцы в волосы.

– Нам еще придется повозиться с этим роботом. Он совершенно спятил!

Усыпляющий рокот преобразователя слышался в рубке гораздо сильнее. В него вплеталось потрескивание счетчиков Гейгера и беспорядочное жужжание десятка сигнальных лампочек.

Донован оторвался от телескопа и включил свет.

– Луч со станции номер четыре упал на Марс точно по расписанию. Теперь можно выключить наш.

Пауэлл рассеянно кивнул.

– Кьюти внизу, в машинном отделении. Я дам сигнал, а остальное он сделает. Погляди-ка, Майк, что ты скажешь об этих цифрах?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.